

ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

**Перевод
М. ЛЕВИНОЙ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Маттиас Клаузен — холеный господин, 70 лет, тайный коммерции советник.
- Вольфганг Клаузен — его сын, около 42 лет, профессор филологии. Суховат, тип немецкого профессора.
- Эгмонт Клаузен (дома зовут Эгерт) — младший сын тайного советника, 20 лет, строен, красив, спортсмен.
- Беттина Клаузен — дочь тайного советника, 36 лет. Слегка кривобока. Скорее сентиментальна, чем умна.
- Оттилия — дочь тайного советника, 27 лет, по мужу Кламрот; хорошенькая, привлекательная женщина, ничем не выделяющаяся.
- Эрих Кламрот — муж Оттилии, 37 лет. Директор предприятий Клаузена. Неотесан, деловит, провинциален.
- Паула Клотильда Клаузен — урожденная фон Рюбзамен, 35 лет. У нее резкие, неприятные черты лица, длинная шея, как у стервятника. Грубая, явно чувственная внешность.
- Штейниц — санитарный советник, около 50 лет. Домашний врач и друг семьи Клаузен. Холост; состоятелен, сократил свою практику.
- Ганефельдт — советник юстиции, гибкий человек, 44 лет.
- Иммоос — пастор.
- Гейгер — профессор Кембриджского университета. Старый друг тайного советника Клаузена.
- Доктор Вуттке — личный секретарь Клаузена. Маленький, кругленький, в очках.
- Эбиш — садовник, за 50 лет.
- Фрау Петерс, урожденная Эбиш, — сестра садовника, около 45 лет.
- Инкен Петерс — ее дочь. Тип северянки.
- Винтер — личный слуга тайного советника Клаузена.
- Обер-бурггомистр.
- Председатель муниципалитета.
- Члены муниципалитета.
- Муниципальные советники.

Место действия — большой немецкий город.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Библиотека и кабинет тайного советника Маттиаса Клаузена в его городском доме. Слева над камином портрет красивой молодой девушки кисти Фридриха Августа Каульбаха. По стенам до потолка книги. В углу бронзовый бюст императора Марка Аврелия. Две двери — одна против другой, — ведущие в другие помещения дома, открыты, так же как и широкая стеклянная дверь в задней стене, выходящая на каменный балкон.

На полу стоят несколько больших глобусов; на одном из столиков — микроскоп. За балконом виднеются верхушки деревьев парка, из парка доносятся звуки джаза.

Жаркий июльский день. Время — около часа.

Входит Беттина Клаузен; ее сопровождает профессор Гейгер.

Гейгер. Вот уже три года, как умерла ваша мать, и я с тех пор здесь не был.

Беттина. С отцом было очень трудно, особенно первый год. Он никак не мог прийти в себя.

Гейгер. Ваши письма, дорогая Беттина, часто внушали мне тревогу. Почти не верилось в его выздоровление.

Беттина. А я непоколебимо верила, и потому, что верила, так и случилось! *(С мечтательно просветленным лицом.)* Правда, я исполняла последнюю волю мамы; она буквально передала отца мне, буквально возложила на меня ответственность за его судьбу, буквально умоляла меня заботиться о нем. За два дня до смерти мама сказала: «У такого человека еще много дела на земле; его нужно сохранить надолго, и ты, Беттина, позаботься об этом. С той минуты, как я закрою глаза, начнутся твои обязанности».

Гейгер. Эти трудные обязанности вы с честью выполнили.

Беттина. Они были одновременно и трудны и легки. Вы — лучший друг отца, господин профессор, вы знали его задолго до меня и лучше меня; мне только в последние годы было дано по-настоящему понять его и приблизиться к нему. Вы представляете себе, какое значение имело для меня это время! И наконец такое счастье, такая награда за все сделанное мной.

Гейгер. Он стал теперь совсем прежним.

Беттина. После смерти матери он словно ослеп. И должен был медленно, почти ошупью возвращаться к жизни! Он сам мне в этом признался.

Гейгер (*подходит к открытой двери балкона, смотрит в сад, откуда доносятся звуки джаза*). И вот в доме снова жизнь — в саду праздник: вино, прохладительные напитки... как бывало в прежние, счастливые времена.

Беттина. Да, он вернулся к жизни.

Разговаривая и, видимо, направляясь в сад, они выходят в противоположную дверь. Из той двери, откуда они раньше вошли, появляются профессор Вольфганг Клаузен и его супруга Паула Клотильда.

Вольфганг. Только что отцу преподнесли грамоту почетного гражданина нашего города.

Паула Клотильда (*с притворным равнодушием*). Об этом намерении уже давно болтают... Что тут особенного?

Вольфганг. Вечером от двух до трех тысяч человек — представители разных партий — устраивают в его честь факельное шествие.

Паула Клотильда. Что ж, это придется вытерпеть.

Вольфганг. Придется вытерпеть? Что ты этим хочешь сказать?

Паула Клотильда. В конце концов, что такое факельное шествие? Моему отцу, когда он был корпусным командиром, то и дело приходилось выносить подобные забавы. Дошло до того, что он почти не вставал из-за стола...

Вольфганг (*слегка раздраженный*). Конечно,

твоя отец привык к таким вещам. Но для папы это нечто новое, это доказательство, что его любят. Его это очень порадует.

Паула Клотильда. Я ничего не понимаю во всей этой истории. Сперва ваш отец забивается в нору, прячется, ни с кем не хочет говорить. И вдруг приводится в движение весь этот балаган. За этим что-то кроется.

Вольфганг. Папа уступил нашим просьбам: моей, Оттилии, Беттины — и не уехал в день рождения. По мнению зятя Кламрота и нашему, отцу, как человеку, связанному с жизнью города, это было необходимо. Отец не должен отталкивать от себя широкие общественные круги.

Паула Клотильда. К сожалению, раньше он это часто делал.

Вольфганг. Что ты, собственно говоря, хочешь этим сказать, Паула? Быть может, тебе не нравятся почести, которые ему в избытке оказывает весь город?

Паула Клотильда. Нравятся или не нравятся — какое это имеет значение? Какие могут быть у меня, обедневшей дворянки, претензии? В конце концов, через тридцать или сорок лет, твои студенты и тебе устроят факельное шествие. *(Вышла на балкон и смотрит в лорнет.)* С кем это кружится зять Кламрот? Что это за белобрысая жердь?

Вольфганг *(подходит к ней)*. Эта долговязая блондинка? Не знаю. Я почти не знаю наших служащих.

Паула Клотильда. А я, Вольфганг, знаю, кто она. Мать ее — вдова. Они живут в Бройхе. Дядя — садовник при замке. Зовут ее Инкен Петерс или что-то в этом роде. За всем надо иметь глаз!..

Вольфганг. Откуда у тебя эти сведения?

Паула Клотильда. Они идут от советника юстиции Ганефельдта. Он управляет имением в Бройхе. Кстати, говорят, ваш отец там иногда бывает.

Вольфганг. Отчего же нет? Зачем ты это мне рассказываешь?

Супруги уходят. Входит санитарный советник доктор Штейниц и личный секретарь Клаузена доктор Вуттке.

Штейниц (глядя вслед Клотильде). Зубастая дама!

Вуттке (притворяясь непонимающим). О какой даме вы говорите?

Штейниц. О некоей особе, которой, как говорится, пальца в рот не клади.

Вуттке. Какой же это особе пальца в рот не клади?

Штейниц. Я говорю о небезызвестной вам Пауле Клотильде, урожденной фон Рюбзамен; или вы считаете, что ей можно положить палец в рот?

Вуттке (смеется). Нет, этого никто не станет утверждать. О вкусах не спорят, но оба эти брака — Вольфганга и Оттилии Клаузен — мне непонятны. Славный Вольфганг и эта заноза... Избалованное, тепличное растение Оттилия, бросающаяся на шею настоящему ломовому извозчику...

Из противоположной двери несколько торопливо входит директор Эрих Кламрот.

Кламрот (вытирая пот со лба). Дикая жара! Вашу жену мою не видали?

Вуттке. Нет. Но ваш шурин Вольфганг и его жена только что были здесь.

Кламрот. Вольфик с урожденной фон Рюбзамен! Эта женщина воображает, что она всем управляет.

Вуттке. Если она еще не управляет, то не по своей вине.

Кламрот. Между прочим, это, может быть, и по моей вине. Кстати, наш патрон держится прекрасно. Говорят, ему собираются преподнести грамоту почетного гражданина. Мне кажется, все идет как по маслу. А где сейчас пребывает виновник торжества? Я не хотел бы пропустить эту церемонию.

Штейниц. Если у вас было такое намерение, следовало прийти раньше.

Кламрот (побагровев). Что? (К Вуттке.) Послушайте, вы! Вам следовало предупредить меня! Разве это не входит в ваши обязанности?

Вуттке. Нет, это не моя обязанность.

Кламрот. Ваша лаконичность иногда раздражает.

Вуттке. Без всякого намерения с моей стороны.

Кла м р о т. Но нельзя отрицать, что это так. Кстати, что у вас в портфеле?

В у т т к е. Кое-что для юбиляра.

Кла м р о т. Не важничайте, Вуттке. Я и без вас узнаю все, решительно все, что мне надо узнать!

В у т т к е. Не смею в этом сомневаться.

Кла м р о т. Стрелку часов вам не повернуть назад! (*Быстро уходит.*)

Ш т е й н и ц. У милейшего Кламрота бывают странные вспышки.

В у т т к е (*вслед Кламроту*). Плевать мне на вас, господин директор!

Ш т е й н и ц. «Стрелку часов вам не повернуть назад».

В у т т к е. Что он сказал?

Ш т е й н и ц. «Стрелку часов вам не повернуть назад».

В у т т к е. Разве я собираюсь вертеть часовые стрелки?

Ш т е й н и ц. По-видимому, он имел в виду нас обоих: меня — потому что я в конце концов поставил нашего патрона на ноги; вас — потому что вы тоже преданы тайному советнику и не перешли с развернутыми знаменами в лагерь Кламрота.

В у т т к е. Пока я жив, никто не вырвет из рук тайного советника бразды правления.

Входит Эгмонт Клаузен. У него быстрые и непринужденные движения. Он кладет одну руку на правое плечо Штейница, другую — на левое плечо Вуттке и просовывает сзади между их головами свою.

Э г м о н т. Ага! Это называется: одной хлопушкой — двух мух... Знаете, господа, почему я так говорю?

Ш т е й н и ц. Нет. Не собираетесь ли вы прикончить нас? Вы — хлопушка!

В у т т к е. Я тоже ничего не понимаю. Хлопушка!

Э г м о н т. Должен ли я стать перед вами, господа, или вы думаете, что отсюда я скорее достигну цели?

В у т т к е. Смотря по тому, предпочитаете ли вы дуэль или убийство из-за угла.

Штейниц. Карманники достигают цели, подкрадываясь сзади.

Эгмонт (*выходит вперед, но сейчас же хватается обеих за руки*). Око за око, зуб за зуб! Только одна просьба, господа: выслушайте мое стихотворение ко дню рождения папы.

Штейниц. Прошу. Валяйте!

Эгмонт (*значительно, патетично и несколько таинственно*).

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом,
Увы; с усердьем и трудом
И в богословье я проник.
Но все ж глупцом остался. Ах!
И, как майор, кругом в долгах.

Штейниц и Вуттке невольно смеются.

Штейниц. Лучше не читайте этого вашему отцу, дорогой Эгерт! Это горькая пилюля, да еще с оскорблением Гёте; ваш отец этого не перенесет.

Эгмонт. Поэтому мне и нужна ваша протекция: исцелите меня, доктор! Заболвите за меня словечко перед этим всемогущим мужем с портфелем!

Вуттке. Я, как всегда, посмотрю, что можно для вас сделать. Но ведь вы мне твердо обещали подождать с обменом автомобиля до весны. Помните?

Эгмонт. Помню, конечно, помню. И я сдержал бы слово, если бы не заманчивый случай. Но случай есть случай. Он сбил все мои расчеты. И потом папа недавно сам сказал, что мне следовало бы ознакомиться с Испанией, а моя старая разбитая кастрюля, в которой я до сих пор ездил, для этого совсем не годится. Итак, доктор, когда мне рассчитывать на ответ?

Вуттке. Через несколько дней. Конечно, не сегодня. Ни одной капли горечи сегодня в его вино.

Входят тайный советник Маттиас Клаузен, за ним — обер-бургомистр, председатель муниципалитета, профессор Гейгер, профессор Вольфганг Клаузен, Эрих Кламрот, Беттина, которая льнет к отцу, Паула Клотильда Клаузен, Оттилия Кламрот и советник юстиции Ганнефельдт.

Эгмонт (*быстро поворачивается и подходит к отцу*). Поздравляю тебя, папа, со званием почетного гражданина! (*Непринужденно целует отца в лоб.*)

Клаузен. Да, дорогой Эгерт, эти господа действительно удостоили меня величайшего отличия, какое существует в нашем городском самоуправлении. Сознание ничтожности моих заслуг все еще протестует против этого. Будь я моложе, я бы мог, ваше превосходительство и уважаемые господа, надеяться постепенно оправдать ваше необоснованно высокое мнение обо мне. Но, к сожалению, этот радостный праздник только подчеркивает мою старость. Уходящие силы, уходящие годы заставляют меня стремиться совсем к другому, чем то, чего требует в наше тревожное, трудное время натиск молодых сил. Здесь потребуются совсем другие кормчие.

Обер-бургомистр. Вы остались юным, господин тайный советник!

Клаузен. Этот комплимент по праву относится к моему другу Гейгеру. Он специально приехал из Кембриджа ко дню моего рождения.

Гейгер (*благодарно*). Чур меня! Чур! Не сглазы!

Обер-бургомистр (*оглядываясь*). Не верится, что мы в кабинете делового человека. Скорее это комната ученого.

Клаузен. Признаюсь, у меня слабости, которых обычно не прощают деловому человеку. Я собираю автографы, первоиздания и тому подобное. У меня есть, например, старинное издание библии Фуста, «Лаокоон», написанный рукой самого Лессинга. Вы знакомы с моими детьми? (*Указывая на Вольфганга.*) Он достиг в жизни большего, чем я. Этот мальчишка—уже профессор.

Паула Клотильда (*вполголоса, Ганefeldту*). «Мальчишка». Ну и скажет! Как это вам нравится?

Клаузен. А вот это Эгмонт. Мы его зовем Эгерт. Ему двадцать лет, и он еще не вполне осознал серьезность жизни. Но пока что я за него не беспокоюсь. Для каждого из нас приходит час прозрения.

Обер-бургомистр. Без вашего сына картина жизни нашего города была бы неполной. Мы всегда с удовольствием наблюдаем, как он проносится на своем «мерседесе».

Один из членов муниципалитета. И, кстати, многие наши дамы свернули себе шею, вытягивая ее вслед вашему сыну.

Эгмонт. И у меня бывают мрачные минуты, но я не выношу нашей серой послевоенной эпохи и хватаюсь за кусочек живой жизни всюду, где только возможно.

Один из членов муниципалитета. «Радость — дочь благого неба».

Гейгер. О, конечно! «Радость — искра божества».

Обер-бургомистр. Без дочери благого неба молодым людям, конечно, не обойтись. (*Сдержанный смех.*)

Клаузен. Возможно, мы неправы, когда в открытых дискуссиях обходим психологические моменты. Раньше философы говорили о блаженстве и счастье, а теперь только о готовых товарах, полуфабрикатах и сырье... А вот моя дочь Беттина...

Один из членов муниципалитета. ...хорошо известная в благотворительных кругах.

Клаузен. У моей Беттины доброе сердце. Часто она и мне приходила на помощь в тяжелые минуты. А это моя младшая дочь Оттилия. В детстве она доставляла много забот своей матери и мне, — зато как много радости принесла она нам в дальнейшие годы. А вот ее муж — мой зять. Господина Кламрота, надеюсь, мне нечего вам представлять.

Кламрот (*слегка раздраженно, но стараясь быть любезным*). Как мужа своей жены — конечно, нет.

Оттилия испуганно хватается мужа за руку.

В чем дело? Ведь я говорю правду, Оттилия.

Клаузен. Вы всегда это делаете.

Обер-бургомистр. Сердечная прямота господина директора Кламрота известна всему городу.

Один из членов муниципалитета. Но у вас есть большой недостаток, господин Кламрот. Несмотря на наши настоятельные просьбы, вы отказываетесь войти в состав магистрата.

Кламрот. Терпение, господин муниципальный советник, проживем — увидим.

Обер-бургомистр. Какой чудесный портрет висит у вас на стене, господин тайный советник!

Клаузен. Разве вы никогда не были в этой комнате? Это портрет моей покойной жены, когда она была девушкой. Его написал Фридрих Август Каульбах.

Гейгер. Это была самая красивая молодая дама, какую я когда-либо видел в своей жизни.

Беттина. Посмотрите, господа, вот справа, на этой длинной шведской перчатке, бабочка; художник сказал маме, что это — он сам, и он будет, таким образом, сопровождать ее всю жизнь...

Клаузен. Не угодно ли дорогим гостям окунуться в праздничный водоворот! Спустимся в сад.

Обер-бургомистр *(на балконе, смотрит в сад)*. Этот сад в самом центре города — настоящее чудо. Тишина, как в деревне, не слышно автомобильных гудков. Я каждый раз заново этому поражаюсь.

Вуттке *(подходит к Клаузену)*. Господин тайный советник, разрешите вас на секунду.

Клаузен. В чем дело?

Вуттке *(умоляюще)*. Только одна подпись.

Клаузен *(со вздохом)*. Мой настоящий крест этот доктор Вуттке! *(Подписывает и уходит вместе с гостями в сад.)*

Остаются Вуттке и доктор Штейниц. Вуттке кладет подписанную бумагу в портфель.

Вуттке. Будьте здоровы. Я ухажу. Что это у вас в руке?

Штейниц *(показывает мазок на стекле)*. Капли крови.

Вуттке. Надеюсь, реакция Вассермана отрицательная?

Штейниц. Только хлороз, очень просто.

Вуттке. А, малокровие? Кто этот счастливец?

Штейниц. Это не он, а она. Инкен Петерс, родом из Хузума или Итцегоэ. Она завоевала сердце нашего старого хозяина.

Вуттке. Да ну! И он тут же требует анализа крови?

Штейниц. Нет, это была моя мысль. Тайный советник поручил мне наблюдение за ее здоровьем.

Вуттке. Как вы относитесь ко всей этой истории?

Штейниц. Маленький каприз — не больше. Его можно простить человеку, вновь почувствовавшему себя здоровым.

Вуттке. Однако этот каприз начинает уже кое-кого беспокоить.

Штейниц. Неужели? Только потому, что тайный советник иногда бывает в Бройхе? И привозит детям шоколад. Инкен, или, вернее, ее мать, руководит детским садом. Чего только не вынюхают ищейки.

Вуттке. Во всяком случае, я далек от этого. Мне об этом ничего не известно. Мне до этого нет дела. *(Кивает и быстро уходит.)*

Штейниц подходит к балюстраде балкона и смотрит в сад. Не замечая его, входит Инкен Петерс, за ней — ее мать.

Инкен *(смущается, оглядывается)*. Скажи, мама, где мы?

Фрау Петерс. Не спеши так. За тобой едва поспеешь.

Инкен. Как будто все уже расходятся, мама.

Фрау Петерс. Мчишься, словно за тобой гонятся. И вообще немного странно: как только тайный советник, окруженный свитой, выходит в сад, ты убегаешь.

Инкен. Там и без меня достаточно молодых дам, которые делают ему придворные реверансы. Что мне тайный советник, если он окружен стеной?

Фрау Петерс. Наша обязанность поздравить его, а так, ни с того ни с сего, удирать — неприлично. По крайней мере с фрейлейн Беттиной ты должна была проститься. Она так долго и сердечно говорила с тобой.

Инкен. Мне ничего не оставалось, как отвечать ей на бесконечные вопросы. Точно на экзамене. Я даже отметки получала. Меня хвалили за то, что я решительная и дельная: и машинистка, и швея, и детей умею воспитывать. Каждая новая специальность — новая похвала, но приятней от этого мне не стало.

Фрау Петерс. Опять твои причуды, Инкен.

Инкен. А как этот господин директор Кларрот снисходит до того, чтобы танцевать! Противно! Чего он только не нашептывает на ухо!.. А его жена ничего не подозревает и молится на него. Единственный чело-

век, с которым можно потанцевать и поговорить, — это Эгмонт Клаузен. Скажи, где здесь выход? Я почувствую себя хорошо только на улице. *(Пытается бежать наугад, в первую попавшуюся дверь, наталкивается на Паулу Клотильду Клаузен в сопровождении советника юстиции Ганефельдта.)*

Ганефельдт. Куда спешите, прелестное дитя?

Инкен. О, господин советник юстиции Ганефельдт! Я и не знала, что вы тоже на празднике.

Ганефельдт. Весь город на празднике. К тому же мои отношения с семьей Клаузен давнишние и многообразные. *(Пауле Клотильде.)* Возможно, сударыня, вы и не знаете: вот в этой комнате я играл в детстве с вашим супругом. *(Обращается к Инкен.)* Вам было весело?

Паула Клотильда *(лорнируя Инкен)*. Ну, наверно! Вы бойко пляшете. Я наблюдала за вами с интересом.

Инкен. Я танцую кое-как... по-домашнему.

Ганефельдт. Вы знаете, перед кем вы стоите, Инкен? Это супруга профессора — доктора Вольфганга, невестка господина тайного советника. Тетка фрау Паулы Клотильды когда-то владела имением Бройх, где вы теперь нашли себе пристанище и которым я управляю.

Паула Клотильда. В моем отце было слишком много от генерала. Он наделал много непростительных ошибок, особенно в старости. Иначе мы бы и сейчас владели этим имением... За стариками надо следить в оба!..

Ганефельдт *(Клотильде)*. Разрешите представить вам эту малютку: Инкен Петерс, прилежная, порядочная девушка. Смело берется за любую работу, которая ей попадается. А это ее уважаемая матушка.

Паула Клотильда. Да, теперь так: жри, пташка, что дают, или подыхай! Кто в наше время хочет быть разборчивым, тому крышка!

Ганефельдт. Ну как же не хвалить семью Клаузен? Господа Клаузен снова показали свою исключительную доброжелательность и сердечность.

Фрау Петерс. Выше всяких похвал, господин управляющий.

Ганефельдт (к фрау Петерс). Вы довольны праздником?

Фрау Петерс. Чудесный праздник! О нем будут вспоминать много лет.

Паула Клотильда (к фрау Петерс). Где работает ваша дочь?

Инкен. Мама, я избавлю тебя от ответа. Если вам, сударыня, угодно знать, я сейчас нигде не служу. Но благодаря поддержке управляющего, господина Ганефельдта, мы с мамой устроили детский сад в большой пустой оранжерее. Мой дядюшка — садовник в Бройхе.

Паула Клотильда. Значит, вы руководительница детского сада?

Инкен. Да. Я сдала для этого необходимый экзамен.

Паула Клотильда. Сколько вы зарабатываете?

Инкен (улыбается, но с еле заметным раздражением). Шестнадцать дурачков — по две марки в неделю за каждого.

Ганефельдт. Вы сегодня очень нетерпеливы, дитя мое.

Инкен. Разрешите мне проститься. (Слегка поклонившись, хочет уйти.)

Внезапно в дверях появляется Эгмонт и преграждает ей путь.

Эгмонт. Ни в коем случае! Пока вы не станцуете со мной еще это танго!

Инкен (смеется). Иди, мама, подожди меня у подъезда. Я в плену.

Инкен и Эгмонт уходят.

Ганефельдт. Как она вам понравилась?

Паула Клотильда. В конце концов, это безразлично! Нет! Она мне не нравится.

Ганефельдт. Что же вам, Паула, в ней не нравится?

Паула Клотильда. Прежде всего, она неженственна.

Ганефельдт. Вы находите малютку неженственной? А ведь она умеет быть нежной и женственной, как никто.

Паула Клотильда. Вам это известно по собственному опыту?

Ганефельдт. Да, но, разумеется, не в том смысле, какой подразумеваете вы. Ее поведение безупречно во всем. Сегодня она, правда, чем-то раздражена. Обычно, когда находишься в ее обществе, она производит впечатление свежести, прямоты и в то же время большой приветливости.

Паула Клотильда. А все-таки она себе на уме.

Ганефельдт. Вы, быть может, хотите сказать, что она не глупа. Вы правы, Паула. Кстати, бедная девушка не знает, какой роковой удар постиг ее семью. Отец Инкен во время следствия покончил с собой в тюрьме из-за тяготевшего над ним подозрения.

Штейниц (*который все время оставался в комнате незамеченным*). Несчастный глупец! Впоследствии его невиновность была доказана на девяносто процентов.

Ганефельдт (*только сейчас увидев Штейница*). Ах, вы здесь?

Штейниц. Я был занят своим делом.

Паула Клотильда (*в ужасе*). Покончил с собой в тюрьме?! Значит, по-видимому, было мерзкое дело! Как вы думаете, свекор знает об этом? Если нет, необходимо ему сообщить.

Штейниц. А мне это не кажется важным.

Входят тайный советник Клаузен с Беттиной, которая, как и раньше, льнет к отцу, профессор Гейгер, профессор Вольфганг Клаузен, Эгмонт Клаузен, Кламрот со своей женой Оттилией. Вольфганг ведет за руку восьмилетнего сына. Оттилия несет на руках полуторарадоговального сына и ведет за руку четырехлетнюю дочку. Позади — старый слуга Винтер.

Клаузен. Благодарю вас всех, благодарю всех — дорогие друзья, дорогие дети и внуки — за этот очень удавшийся праздник.

Беттина (*растроганно, достаточно громко, чтобы все слышали, но обращаясь только к отцу*). Я уверена, что мама взирает на нас с небес.

Оттилия (*подходит вплотную к отцу*). Ленхен, дай дедушке лапку и скажи: «поздравляю». Только ясно.

Клаузен. Будем считать, Оттилия, что она уже довела меня до удовольствия.

Девочка подходит к Гейгеру.

Ленхен. Поздравляю тебя с днем рождения, дорогой дедушка!

Гейгер. Вот тебе на! А я и не знал — оказывается, я твой дедушка! (*Весело смеется.*) Я вообще еще не дедушка. Почему ты так решила? Все уверяют, что я выгляжу как юноша.

Оттилия. Ленхен, что с тобой? Разве ты не узнала дедушку?

Клаузен. Она поступает как умеет, дорогой Гейгер.

Гейгер. Малютка смутила меня. Твоя величественная роль патриарха мне не подходит.

Ганефельдт. Как сказано в библии: «Я сделаю тебя великим народом земли!»

Паула Клотильда (*злобно на ухо Ганефельдту*). Остается еще прибавить: «Я умножу семя твое, как песок на морском берегу»!..

Клаузен. Итак, еще раз спасибо, спасибо, спасибо! Увидимся все за ужином.

Беттина. Прости, папа, но сегодня вечером банкет в ратуше.

Клаузен. Верно! Значит, встретимся в другой раз.

Беттина. А теперь я принесу тебе лимонад.

Клаузен. Нет, милая Беттина, сегодня я обойдусь без лимонада. — Винтер, сервируйте красиво и уютно стол, поставьте две бутылки поммери, и мы поболтаем с тобой, милый Гейгер, о добром старом времени. — До свидания, до свидания, мои дорогие дети!

Волей-неволей всем приходится уйти. Гейгер и Беттина остались. Винтер накрывает на стол.

Беттина (*смущенно*). Я только хотела спросить: я не помешаю?

Клаузен. Ты знаешь, что никогда не мешаешь, Беттина. Но, боюсь, тебе будет скучно слушать воспоминания двух старых университетских товарищей.

Беттина. Нет-нет, папа, я этого не боюсь.

Клаузен. Итак, спокойно оставь нас вдвоем на полчаса. Отдыхаешь, когда можешь поболтать с глазу на глаз о том, о сем.

Беттина. Тебе ничего не нужно, отец?

Клаузен. Сейчас абсолютно ничего.

Беттина. Если понадобится — я рядом, в музыкальной комнате. *(Уходит.)*

В доме все затихло. Чувствуется, что праздник в саду окончился. Замолк джаз. По сцене прошли несколько уходящих гостей. Среди них музыкант с инструментом. Винтер подает шампанское.

Клаузен. Винтер, закройте все двери, а перед одной, которая останется открытой, встаньте цербером.

Винтер. В доме осталось только несколько музыкантов.

Клаузен *(улыбаясь)*. Несколько хороших и несколько плохих.

Гейгер. Такие торжества всегда устраиваются больше для гостей, чем для юбиляра... Твоя библиотека очень разрослась, Маттиас.

Клаузен. Наверху, на втором этаже, помещается основная масса книг. Я даже держу библиотекаря. Сейчас он в Арт-Гольдау. Поехал навестить мать; он — швейцарец.

Гейгер *(рассматривает большую фотографию)*. Конная статуя Марка Аврелия...

Клаузен. Да, эта самая прекрасная в мире конная статуя. Она в Риме, на Капитолии. On revient toujours à ses premiers amours¹. Итак, сядем, дорогой Гейгер.

Гейгер. Бургомистр прав: если не знать, что ты основатель и глава крупного предприятия, действительно можно подумать, что это жилище ученого.

Клаузен. Бывали люди, в которых уживалось и то и другое. Шлиман и Грот были одновременно крупными коммерсантами. Я, к сожалению, этим похвастаться не могу.

Гейгер. О, прошу тебя, Маттиас, не говори так. Твои статьи в журналах составили бы несколько томов... Какая изумительная шахматная доска, Маттиас!

¹ Старая любовь не ржавеет. *(Франц.)*

Клаузен. Это подарок моих редакторов. Мне даже было неловко. При иных обстоятельствах это доставило бы мне бóльшую радость.

Гейгер (*указывая на шахматную доску с расставленными фигурами*). Чудесная старинная вещь. Наверно, персидская. Не правда ли? Поля из перламутра и ляпис-лазури, фигуры из серебра и золота. Настоящие произведения искусства!

Клаузен. Такой вещи, пожалуй, не найдешь во всей Европе. Мои редакторы знали, что я иногда люблю сыграть партию.

Винтер подал шампанское, Клаузен и Гейгер садятся. Винтер наполняет бокалы. Тайный советник поднимает бокал.

Благодарю тебя за то, что приехал.

Гейгер. О, благодарить тут не за что. Все очень удачно сложилось. Я всегда с радостью возвращаюсь на родину... Тем более по такому счастливому поводу.

Винтер подносит Гейгеру спичку. Он закуривает.

Ты все еще не предался этому прекрасному пороку?

Клаузен. Нет. Зато я щедро наделен другими пороками.

Оба некоторое время молчат.

Гейгер. Твоя дочь — жемчужина.

Клаузен. Я привык с тобой соглашаться. Твое слово подобно печати, которую прикладывают к истине.

Гейгер. Беттина тебя боготворит.

Клаузен. Это, пожалуй, верно, но иногда меня это страшит.

Гейгер. Дочери почти всегда преклоняются перед отцами, и я даже позволяю своей дочери, когда это забавляет ее, называть меня Зевсом или Вотаном.

Клаузен. В таких восторгах кроются опасности, известные психологам и которые могут вредить обеим сторонам. А в общем, я действительно многим обязан Беттине и благодарен ей. Она милый и добрый ребенок. Кстати, твоя дочь рассказывает тебе когда-нибудь свои сны?

Гейгер. Нет. У моей Алисы слишком практический ум. В лучшем случае она говорит о гимнастике, гребном спорте и преподавании.

Клаузен. А моя дочь рассказывает мне свои сны, и в этих снах я почти всегда участвую в качестве какого-то высшего существа! Иногда — вместе с покойной женой.

Гейгер. Ну да, ведь Беттина религиозна. Смерть матери сильно повлияла на нее.

Клаузен. Она говорит, что наш брак ни на минуту не прерывался, что мы — я и моя покойная жена — неразрывно связаны даже теперь.

Гейгер. Этим, я думаю, она пыталась смягчить для тебя боль утраты.

Клаузен. Первое время я принимал это и даже находил в этом некоторое утешение. Не то чтобы я был согласен с Беттиной, а просто ее детские вымыслы невольно трогали меня. Но потом вера в мою связь с покойной женой приобрела у нее такие формы, от которых отвернулось все мое здоровое естество. У меня нет склонности к оккультизму. И хотя я не останавливал Беттину, чтобы не оскорблять ее, когда она говорила о моей связи с потусторонним миром, это становилось мне все более неприятно.

Гейгер. Душевная жизнь стареющей девушки, которая к тому же физически неполноценна, распускается иногда странным цветом, но отец может не обращать на это внимания.

Клаузен. Гейгер, ты голос нашей здоровой юности, который так долго молчал во мне. Теперь он снова звучит во мне. Я его слышу! Поэтому твой приезд — дар провидения. Выпьем за нашу юность!

Гейгер. О, отчего же нет? Хотя сейчас тщетно искать на моей голове черный волос, как некогда — седой.

Чокаются и пьют.

Клаузен. Я думаю, что должен тебе поведать о том кризисе, который я пережил в этом пустом доме, в этом, сказал бы я, пустом мире после того, как похоронил жену.

Гейгер. Говорят, тебе было плохо.

Клаузен. Это правда. Утрата жены привела меня в какое-то странное состояние. Врата смерти, через которые она ушла из жизни, казалось, не могли сомкнуться. Мне чудился в этом какой-то скрытый смысл; с другой стороны, нужно сказать... жизнь потеряла для меня всякий смысл. И вдруг я увидел — или подумал, что вижу, — вокруг себя отчужденность, бесполезность и безнадежность. Мои близкие, конечно, делали все, чтобы вернуть меня к бытию, но манящие голоса моих ранее ушедших друзей не умолкали. Почему бы мне не последовать за ними? Эта мысль соблазняла меня. В ней было облегчение, покой и несомненное наслаждение... Право, Гейгер, если бы не мои дети, я, вероятно, решил бы на этот последний путь... Я говорю это не из сентиментальных побуждений. Простая забота о детях, об их существовании, их благе удерживала меня. Я хотел продержаться хотя бы до тех пор, пока их будущность будет обеспечена, насколько только это возможно в пределах человеческого предвидения. В этом — нельзя забывать — была немалая заслуга и моего настойчивого домашнего врача Штейница и доктора Вуттке. Всеми правдами и неправдами они добились того, что я наконец отвратил свой взор от черных дум, к которым постоянно возвращался, и снова стал человеком среди людей.

Гейгер. Итак, ты, слава богу, выкарабкался!

Клаузен. Я должен ответить на это и да и нет. Я все еще не совсем принадлежу жизни. Иногда я оглядываюсь вокруг, и мне кажется, будто все это меня не касается. К этому присоединяется, — конечно, не сейчас, когда ты здесь, — чувство одиночества и покинутости.

Гейгер. Одиночества? Странная мысль: ведь только что ты был центром всей этой праздничной шумливой суеты.

Клаузен. Ты, милый Гейгер, уничтожаешь мое одиночество, а не праздничная суета. Она проникает ко мне, как сквозь обитую войлоком дверь. Поистине верный друг — это «исцеление жизни», как говорил бесконечно мудрый Иисус Сирах. Но сейчас мне значительно лучше, несмотря на довольно коварные рецидивы. Тогда во мне поднимается отвращение, тогда я вижу лишь

крутящийся в пляске смерти сброд, беспощадно и бесконечно гонимый в вихре некоей машиной, и тогда моя рука снова тянется к известной мне двери, ручку которой легко нажать, чтобы молча уйти от жизни. Но довольно психологической метафизики! Поговорим о действительности. Как тебе нравится мой зять?

Гейгер. Бизнесмен с головы до пят.

Клаузен. Так это, значит, бизнесмен? Раньше таких людей называли коммивояжерами. Мне он не нравится. Но я признаю, что для благополучного хода дел он необходим.

Гейгер. У тебя есть разногласия с зятем?

Клаузен. О нет, мы прекрасно ладим. Но я вижу яснее ясного, как прекрасное и высокое дело всей моей жизни в его цепких руках превращается в мерзкое торгашество.

Гейгер. Да, в самом деле, в наше время все чаще ставят своей единственной целью грубую наживу.

Клаузен. Будь последователен и добавь, что такой зять, как Кламрот, перед которым отцы города уже мечут бисер, — счастливое приобретение для меня и моей семьи.

Гейгер. В известной мере! Я не отрицаю.

Клаузен. Можешь ли ты сказать еще что-нибудь в его пользу?

Гейгер. Только спросить: довольна ли Оттилия своим браком?

Клаузен. Как это ни удивительно, довольна. Чувствительная маленькая Оттилия, которая менялась в лице от каждого громкого слова, наша хрупкая фарфоровая куколка, которую нужно было оберегать от малейшего дуновения ветерка, обожает этого неуклюжего молодчика, хотя каждый его шаг и каждое его слово должны были бы ежедневно, ежечасно ее оскорблять. И он еще обманывает ее.

Гейгер. Ничего не поделаешь. Нужно мириться, когда наши дочери отдают себя во власть мужской грубости.

Клаузен. С потерей дочери примириться можно, но, странно, стоит мне хотя бы мельком подумать о моем зяте, как я вижу направленное на меня оружие.

Гейгер. Ты мне не нравишься, дорогой Маттиас! Я согласен, что каждый должен ежедневно, ежечасно защищать место, которое он занимает в жизни. Но как это ты, всеми уважаемый и всеми любимый человек, вообразил, что кто-то из круга твоей семьи направляет на тебя оружие? Я полагаю, ты должен отказаться от этой мысли.

Клаузен. Нет, я не откажусь. Поговорим лучше о чем-нибудь другом. (*Кладет руку на стоящую поблизости шахматную доску.*) Взгляни на эту шахматную доску, подарок моих редакторов. Меня поразило как электрическим током, когда я увидел ее! Я был так потрясен, что едва мог поблагодарить их. Мне чудился в этом подарке какой-то скрытый смысл: лучшего символа моей деятельности нельзя придумать. Вся моя жизнь была шахматной игрой, я играл с раннего утра до поздней ночи, даже во сне. Вот эти слоны, кони, пешки — произведения искусства; но разве в этом дело? А там фигуры и доску, в сущности, держишь в уме. Самые трудные партии, иногда с полдюжины зараз, приходится разыгрывать мысленно; шахматные фигуры — это живые существа, живые люди.

Гейгер. В этом можно тебе поверить, Маттиас.

Клаузен. Да. Но вот постепенно приближается моя заключительная партия. Противник, быть может, еще не смерть, но это уже не здоровая, брызжущая соками жизнь. Тогда фигуры превращаются в демонов. Как раз теперь я разыгрываю такую партию; она день и ночь держит меня словно в тисках и терзает своими сложными задачами.

Гейгер. Как обычно, ты выйдешь победителем.

Клаузен. Что-то в этой партии вселяет в меня ужас: черные — у них у всех такие знакомые лица — неумолимо наступают на меня, они все больше и больше закрывают мне выходы и безжалостно угрожают сделать мат, как только я перестану напрягать усталые глаза. Тысячу раз, даже в повторяющихся каждую ночь кошмарах, я принужден отскакивать от доски.

Гейгер. Просто опрокинь эти фигуры, если они тебя мучают. Эту призрачную шахматную партию тебе незачем доигрывать.

Клаузен (*изменившись, встает, решительно*). Да, так и будет, Гейгер! Я опрокину их!.. И зачеркну этим всю мою прежнюю жизнь. Я сделаю из нее *tabula rasa*.

Гейгер. *Tabula rasa* из твоей жизни, которая была одной из плодотворнейших в мире?

Клаузен. Но ты же сам говоришь — была! Верь мне, все, что сейчас происходило, и все, что меня окружает: дети, картины, ковры, столы, стулья, да и все мое прошлое, — для меня хлам. Все для меня мертво, и я хочу передать его тем, для кого в этом — жизнь.

Гейгер. Значит, ты хочешь от всего отойти?

Клаузен. Я только окончу партию с призраками. Я не хочу, чтобы мои близкие постепенно, хотя бы даже только в душе, превращались в моих убийц и с нетерпением ждали моей смерти. Ведь то, чем они так страстно стремятся завладеть, для меня теперь — ничто!

Гейгер. Ради бога, дорогой друг, отрешись от этих гнетущих мыслей. Нет отца, которого бы так уважали его дети, как тебя!

Клаузен. Я не говорю ни да, ни нет. Прав я или неправ, мой друг, я решил обрубить канат, который привязывает меня к старому кораблю, к его прежнему курсу. Либо так, либо вовсе не жить! Как ни странно, но совсем не легко отринуть то, чего в действительности уже нет, освободиться от него. Для этого нужны суровые упражнения воли. Но кое-чего я уже достиг: в моей психологии появилось что-то новое. А теперь, когда я становлюсь как бы человеком без прошлого...

Гейгер (*все еще шутливо*). Значит, ты просто не жил? Ты ведешь себя так, словно только что родился.

Клаузен. Так оно и есть. В этом есть своя правда. (*Встает, словно испытывая облегчение, глубоко дышит, ходит взад и вперед по комнате, потом пристально смотрит на портрет своей жены, когда она была еще его невестой.*) Вот здесь, на стене, моя вечно молодая прекрасная невеста. Если существует не только потусторонняя жизнь, но и божественное понимание, то я уверен, ты меня поймешь, поймешь мою *vita nova*¹, которая теперь началась. Я не должен оправдываться перед тобой, — но

¹ Новая жизнь. (Лат.)

мои мысли должны остаться неизвестными для моей семьи. Я должен скрывать их даже от Беттины.

Гейгер. Я хочу знать больше. Твое поведение меня удивляет. Оно кажется мне странным и загадочным.

Клаузен. Удачнее нельзя определить мое состояние. Во мне бродит чудесное... Я окружен загадками.

Гейгер. Извини меня за глупый вопрос. Скажи, в этом, как ты называешь, освобождении, в этом сознании избавления играют роль внешние обстоятельства, или же все это связано только с твоим душевным состоянием?

Клаузен. На это не так легко ответить. Внешние обстоятельства? Возможно. Но все-таки главная причина внутри меня. Впрочем, тут можно было бы обойтись без обиняков. На вопрос я мог бы ответить вопросом. Я бы спросил: скажи, на празднике в толпе там, в саду, не привлекло ли твоего особенного внимания одно женское лицо?

Гейгер. О, конечно, лицо милостивой блондинки!

Клаузен (*останавливается перед Гейгером*). Сегодня я тебе больше ничего не скажу. Но завтра мы с тобой поедем на моей машине за город, в садоводство при маленьком пустующем замке. Ты сам все увидишь и поймешь, какое для меня связано с этим переживание...

Гейгер. О, я догадываюсь. Об этом идет молва...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пять недель спустя. Конец августа. Парк в замке Бройх. Небольшой домик садовника с отдельным входом, пристроенный к высокой оранжерее. Заросшая плющом беседка, бочка для дождевой воды, садовые инструменты и т. п. Справа — оранжерея. Слева наискось тянется стена с калиткой. Вдали виднеется колокольня деревенской церкви.

Садовник Эбиш сидит в беседке. Сквозь ворота оранжереи видны питомцы детского сада, занятые какой-то игрой. В начале сцены фрау Петерс расхаживает взад и вперед между оранжереей и беседкой. В руках у нее вязанье.

Фрау Петерс (обращаясь в сторону беседки, перед которой она остановилась). Если Инкен скоро не вернется, тебе придется присмотреть за детьми, Лауридс.

Эбиш. Это мне не впервой. Послушай-ка, Анна, я получил какое-то странное письмо от управляющего Ганфельдта.

Фрау Петерс. Что за письмо?

Эбиш. Он хочет перевести меня отсюда.

Фрау Петерс. Управляющий хочет перевести тебя? Куда же он хочет перевести тебя, Лауридс?

Эбиш. В какое-то имение. В Польшу... Жалованье будет больше, работа легче, жилье лучше, — пишет он.

Фрау Петерс. Ну, а ты, Лауридс?

Эбиш. А я не хочу. Я бы здесь остался. Что мне там делать у поляков, у черта на куличках? Я было собирался ему сразу ответить, да он сам придет договориться со мной, — так он пишет.

Фрау Петерс. И чего это управляющему взбрело в голову?

Эбиш. Я сам себя об этом спрашиваю, никак не пойму.

Эбиш встает и исчезает в воротах оранжереи. Фрау Петерс, продолжая вязать, медленно подходит к оранжерее. Ребятишки, которые до сих пор держались тихо, окружают фрау Петерс и обращаются со всякими просьбами. Пока она их успокаивает, через калитку в стене входят пастор Иммоос в облачении и Беттина Клаузен. Она в летнем костюме. Оба идут вдоль стены. Пастор Иммоос заглядывает в беседку — она пуста.

Пастор (Беттине). Я слышу детские голоса: значит, либо мать, либо дочь где-то здесь.

Беттина. Здесь, кажется, очень тихий уголок, господин пастор.

Пастор. Не правда ли? Легко можно понять, почему человек, замученный светской жизнью, любит иногда удалиться сюда. Да вот и фрау Петерс! Доброе утро!

Фрау Петерс (оборачивается). Благодарю вас, да благословит вас бог, господин пастор. (Прикладывает руку к глазам и с удивлением узнает Беттину.) Возможно ли это? Какая честь видеть у нас фрейлейн Беттину Клаузен!

Беттина. Я приехала по делу к пастору Иммоосу. Господин пастор предложил проводить меня через парк; это самый короткий путь до шоссе, где меня ждет автомобиль.

Фрау Петерс. Значит, просить вас присесть излишне?

Беттина. Да, к сожалению, я и так опоздала.

Пастор. Фрау Петерс, я сейчас вернусь. (Уходит с Беттиной через калитку.)

Садовник Эбиш вновь появляется и глядит вслед уходящим.

Фрау Петерс (Эбишу). Ты знаешь, кто эта дама, которую пастор Иммоос провожает через парк?

Эбиш. Нет, не знаю. Откуда мне знать?

Фрау Петерс. Это старшая дочь тайного советника Клаузена.

Эбиш. Что ей здесь надо?

Фрау Петерс. Видишь ли, Лауридс, я и сама этого не знаю.

Эбшиш занялся своим делом. Он то входит, то выходит. Фрау Петерс, все еще с вязаньем в руках, подходит к детям.

Дети (*окружают ее*). Где тетя Инкен?

Фрау Петерс. Тетя Инкен в городе. Она скоро вернется и что-то вам привезет.

Пастор Иммоос возвращается и слышит последние слова.

Пастор. Ваша дочь уехала в город?

Фрау Петерс (*оборачивается, узнает пастора*). Да, господин пастор, она в городе.

Пастор. Давно я не беседовал с ней. Раньше, бывало, у моей бывшей конфирмантки находилось четверть часика для меня, а теперь Инкен как будто совсем забыла своего старого духовного отца.

Фрау Петерс. Что вы, господин пастор, на мою Инкен это непохоже!

Пастор. Разрешите на минуту присесть? (*Садится.*) Посидите со мной, фрау Петерс, у меня есть время, пока не зазвонили колокола. На двенадцать назначены крестины у Либманов из Гейнрихсруэ.

Фрау Петерс тоже садится за грубо сколоченный садовый стол около дождевой бочки.

Фрау Петерс. У них третий ребенок — дочь. Дай бог, чтобы на этот раз бедным родителям удалось сохранить ее.

Пастор (*после небольшой паузы*). Эта Беттина Клаузен, насколько я помню, всегда была моей любимой ученицей.

Фрау Петерс. Говорят, она очень набожна.

Пастор. Она, по милости божьей, обладает скромным, истинно сердечным благочестием, а это, фрау Петерс, в том суетном светском кругу, где она выросла, что-нибудь да значит. Но у бедной девушки большие заботы... она плакала.

Фрау Петерс. Так и с моей Инкен бывает, господин пастор... Но фрейлейн Беттину я много лет не видала в вашем обществе.

П а с т о р. Я сам часто бывал у нее — это было связано с нездоровьем тайного советника. После смерти супруги он был в очень опасном состоянии, его и теперь еще всячески оберегают. Он иногда бывает у вас, фрау Петерс?

Ф р а у П е т е р с. Да, иногда он оказывает нам эту честь, господин пастор.

П а с т о р. Беттина живет только для своего отца. Собственно говоря, ничего другого для нее в жизни не существует. Если бы с ним что-нибудь случилось, думаю, она бы этого не пережила.

Ф р а у П е т е р с. Что же может с ним случиться, разрешите спросить?

П а с т о р. Не скажу, чтобы я проник во все извилины его душевного состояния. Болезнь коварна; говорят, он с трудом сохраняет душевное равновесие. Все время бояться повторного приступа.

Ф р а у П е т е р с. Когда тайный советник бывает у нас, мы не замечаем у него угнетенного настроения.

П а с т о р. Вот как? Я сообщу об этом фрейлейн Беттине. Убежден, что это ее обрадует. А как вы относитесь к слухам?

Ф р а у П е т е р с. К слухам, господин пастор? Я ничего о них не знаю.

П а с т о р. Так часто бывает с теми, кого они больше всего касаются.

Ф р а у П е т е р с. Ради Христа, что это значит?

П а с т о р (*после короткой паузы*). В моем распоряжении не более двух минут. Но я, фрау Петерс, хочу их по возможности использовать. Я знаю вас как разумную женщину, которая доказала, что у нее всегда здоровые суждения по всем жизненным вопросам. Визиты тайного советника к вам вызывают некоторое беспокойство как у Беттины, так и у всей семьи Клаузен.

Ф р а у П е т е р с. Беспокойство? О чем, собственно?

П а с т о р. Насколько я понял Беттину, с некоторого времени его состояние снова ухудшилось. Возможно даже, что его визиты к вам не причина, а следствие этого ухудшения. Сам я об этом судить не могу: у меня не было случая для наблюдений. Может быть, вы могли бы что-нибудь сказать мне об этом?

Фрау Петерс. Говорили о какой-то болезни тайного советника; будто бы он медленно и с большим трудом преодолел ее. Когда он бывает со мной и с Инкен, мы никакой болезни не замечаем. Для своих семидесяти лет он еще очень моложав.

Пастор. Не слишком ли моложав?

Фрау Петерс. Господин пастор, вы намекаете на Инкен? У меня нет никаких данных, чтобы вынести то разумное суждение, на которое вы считаете меня способной, господин пастор. С внешней стороны отношения тайного советника с моей дочерью кажутся совершенно невинными. Они даже не говорят друг другу «ты»...

Пастор. Это с внешней стороны. А с внутренней?

Фрау Петерс. Ну, да не влезешь же людям в душу!

Пастор. Носятся нелепые слухи, будто тайный советник намерен жениться на Инкен. Не удивительно, что семья Клаузен вне себя.

Фрау Петерс. Я, как мать, не могу смотреть на это глазами Клаузенов.

Пастор (*встает*). Ну, а теперь я хочу немного сосредоточиться перед святым обрядом. (*Делает несколько шагов, колеблется и возвращается.*) Я думаю, что поступлю правильно, если хотя бы в одном облегчу перед вами свою душу. Для такой разумной женщины, как вы, это послужит предупреждением.

Фрау Петерс. Я буду вам очень благодарна, господин пастор.

Пастор. Семья Клаузен владеет старинными фамильными драгоценностями, к которым присоединились и драгоценности покойной тайной советницы; для детей эти вещи — святыня! Скажите мне, — конечно, я этому не верю, — но неужели что-нибудь из этих вещей перешло в собственность вашей дочери?

Фрау Петерс. Едва ли я стала бы говорить об этом, даже если бы Инкен мне и рассказала. Но, клянусь, мне ничего не известно.

Пастор. Слава богу! Теперь я спокоен и хочу в заключение дать вам совет: повлияйте на Инкен, пусть она никогда не принимает таких подарков. При нынеш-

нем душевном состоянии тайного советника это было бы непростительной ошибкой.

В церковке звонят колокола.

П а с т о р. Будьте здоровы, фрау Петерс, меня зовут колокола: младенца несут в церковь.

П а с т о р И м м о о с уходит через калитку в стене. Фрау Петерс нервно вяжет. К ней подходит Э б и ш.

Э б и ш. Чего хотел от тебя пастор Иммоос, Анна?

Ф р а у П е т е р с. Чего он хотел? Он, верно, и сам этого не знает.

Э б и ш. Ах, черт, вот и управляющий!

Появляется Г а н е ф е л ь д т, элегантный, в летнем костюме.

Г а н е ф е л ь д т. Я проезжал мимо и задержал на минуту автомобиль. Добрый день, милый Эбиш. Что нового? Только один вопрос: вы получили мое письмо?

Э б и ш. Да, получил.

Г а н е ф е л ь д т. Тут нет ничего спешного, но как вы к этому относитесь?

Э б и ш. Господин управляющий, я предпочел бы остаться здесь.

Г а н е ф е л ь д т. Ах так! Вас не прельщает большой оклад?

Э б и ш. Я привык к этому месту, и мы сводим концы с концами.

Г а н е ф е л ь д т. А вот и ваша сестра. — Доброе утро, фрау Петерс. — Вот что, дорогой мой, ваше решение мне теперь ясно. (*Указывает на фрау Петерс.*) Вы не оставите нас на пять минут вдвоем?

Э б и ш. Отчего же нет, господин управляющий. (*Быстро уходит.*)

Г а н е ф е л ь д т. Во-первых, вопрос: знаете ли вы о моем предложении перевести вашего брата?

Ф р а у П е т е р с. Я узнала об этом только четверть часа тому назад.

Г а н е ф е л ь д т. Присядьте. Поговорим.

Ф р а у П е т е р с. У нас поспели прекрасные ренклоды и персики, господин управляющий.

Ганефельдт. Благодарю, благодарю. Мне сейчас ничего не надо. У меня мало времени, а нам каждую минуту могут помешать. Дело это не терпит огласки.

Фрау Петерс. Вы меня пугаете, господин управляющий.

Ганефельдт. Для этого у вас нет никаких оснований, фрау Петерс, пока еще дело поправимо. Вы догадываетесь, вероятно, с чем связана моя миссия?

Фрау Петерс. Нет, не догадываюсь.

Ганефельдт. Я встретил вашу Инкен в городе. Видел ее, проезжая в автомобиле. И это одна из причин моего приезда к вам. Хотя то, о чем мы будем говорить, и касается вашей дочери, лучше, чтобы ее при этом не было.

Фрау Петерс. Но ведь вы знаете, Инкен такая самостоятельная.

Ганефельдт. Именно поэтому долг матери иногда действовать через голову дочери, если это нужно для ее же блага. Скажите, отчего умер ваш муж?

Фрау Петерс. Он умер в тюрьме, наложил на себя руки. После этого начинаешь бояться всяких переездов. Его переводили на службу в другое место, и в фургоне с нашим имуществом вспыхнул пожар. Сказали, будто мой муж сам поджег фургон, чтобы получить страховую премию. Это была подлая ложь!

Ганефельдт. Простите, я не хотел беречь вашу рану. Теперь я вспоминаю, только сразу как-то не пришло в голову.

Фрау Петерс. Ничего. Я сама при каждом удобном случае всем говорю об этом. Наша совесть чиста! Стыд и позор падает на убийц в судейских мантиях.

Ганефельдт. Судьи тоже люди, и они могут ошибаться. Разрешите спросить: вы тоже против перевода вашего брата на лучшее место?

Фрау Петерс. Да, против. Тогда нам пришлось бы расстаться с ним. Мы с Инкен скорее всего остались бы здесь.

Ганефельдт. Здесь? Вы имеете в виду этот дом?

Фрау Петерс. Конечно, нет. Но где-нибудь поблизости...

Ганефельдт. А вы с дочерью не покинете нашу

местность, даже если вам предложат крупную сумму? (*Берет фрау Петерс за руку.*) Вашу руку! Я требую полного молчания.

Фрау Петерс. Что я обещаю, то выполняю.

Ганефельдт. Итак, еще раз: будете ли вы упорствовать и останетесь ли в этой местности, если за ваше исчезновение с Инкен будет предложена сумма в сорок тысяч марок?

Фрау Петерс. Что все это значит, господин советник юстиции?

Ганефельдт. Выслушайте меня.

Фрау Петерс. Так вот до чего дошло! Хотят избавиться от Инкен? Бог свидетель: тайный советник может этого добиться и дешевле.

Ганефельдт (*решительно*). Тайный советник об этом ничего не знает.

Фрау Петерс. Вы хотите сказать, что он об этом ничего не хочет знать! Он прячется, подсылает других, как это всегда делается у больших господ.

Ганефельдт. Тайный советник ровно ничего не знает об этом деле и, добавлю, ничего не должен знать.

Фрау Петерс. Тайному советнику достаточно прекратить свои посещения. Он должен настолько знать мою Инкен, чтобы понимать, что она не станет бегать за ним.

Ганефельдт. Вы, как мать, не должны так относиться к этому делу. Повторяю в третий раз: тайный советник об этом ничего не знает.

Фрау Петерс. Откуда же деньги, если не от него?

Ганефельдт. Вы обещаете мне, что нерушимо сохраните тайну?

Фрау Петерс. Не трубят же на всех перекрестках, когда получают пинок ногой.

Ганефельдт. Деньги дают некоторые члены семьи Клаузен. В случае необходимости они готовы на все. Они хотят покончить с этой историей раз и навсегда.

Фрау Петерс. С какой историей?

Ганефельдт. Нет никакой истории? Тем лучше для вас. В таком случае Инкен, дай бог каждому, за одну ночь становится богатой певестой. Вас не принуждают сегодня же сказать да или нет. Но ведь все мы

люди, фрау Петерс. Подумайте! Деньги — это деньги, а случай — это случай: он не повторится. Не упускайте его, не будьте слепой!

Фрау Петерс. Если моя дочь об этом узнает, она будет вне себя.

Ганефельдт. Вашей дочери не нужно ничего знать.

Фрау Петерс. Это нельзя скрывать без конца. Если она узнает, то плюнет мне в лицо.

Ганефельдт. Еще раз повторяю: ей совершенно незачем знать об этом.

Фрау Петерс. А как ей объяснить, откуда у меня эти деньги?

Ганефельдт. Вы получили наследство... Договоритесь об этом с вашим братом.

Фрау Петерс. Знаете, что она мне на это скажет: «Мать, ты что, меня в девки записала?»

Ганефельдт. Я не считаю Инкен способной на такие слова.

Фрау Петерс. А я считаю ее способной еще на худшее. Она может и в воду броситься: в вопросах чести она так же щепетильна, как ее отец.

Ганефельдт. Так вот, фрау Петерс, я сказал все. Вы прекрасно знаете, кто такой господин Кламрот. С профессором Вольфгангом Клаузенем я сидел в школе за одной партой; его жене — пальца в рот не клади!.. Нечего таить — над вами собираются черные тучи.

Фрау Петерс. Так это идет не от тайного советника? Они думают, что он расстанется с Инкен?

Ганефельдт. Весь вопрос в том, кто сильнее... А вот и ваша Инкен. До свидания. Действуйте так, как вы найдете нужным.

Ганефельдт уходит. С противоположной стороны появляется Инкен, в летнем платье. Она медленно приближается и, останавливаясь через каждые несколько шагов, склоняет лицо над большой коробкой конфет, берет их оттуда одну за другой, кладет в рот и снова делает несколько шагов, осматривается каким-то отсутствующим взглядом; по-видимому, она совершенно забыла обо всем окружающем. Внезапно ее замечают ребятишки, окружают и просят конфет. Инкен высоко поднимает коробку и отбивается от малышей.

Инкен. Нет, нет, нет! Они горькие, несъедобные. А вы плохо ведете себя...

Фрау Петерс. Слушаться! Марш в оранжерею!
(Прогоняет детей.)

Инкен. Не могу же я раздать им такие чудесные конфеты. Раз-два-три — мигом очистят коробку.

Фрау Петерс. Откуда у тебя такие дорогие конфеты? Где ты была? Ты опоздала.

Инкен. Да, немного. Попробуй, мама. (Протягивает коробку.)

Фрау Петерс. Откуда они у тебя? Ты, детка, не могла купить их сама!

Инкен. Два кило. Они стоят кучу денег, мама.

Фрау Петерс. А кто заплатил за них?

Инкен. Эгмонт Клаузен, младший сын тайного советника. Он встретил меня около кондитерской. Право, он очень милый мальчик.

Фрау Петерс. Лучше, если ты не будешь принимать подарки. Я всегда тебе об этом твердила.

Инкен. Ты говорила — от тайного советника.

Фрау Петерс. И от тайного советника и от всей его семьи.

Инкен. А я тебе уже не раз объясняла: у тебя нет ни малейших причин для беспокойства. Милый тайный советник боится даже заикнуться об этом. А мне бы очень хотелось получить хороший подарок!

Фрау Петерс. Подойди-ка, присядь на минутку, Инкен!

Инкен. Ах, мама, если ты опять прожужжишь мне все уши об этом знаменитом деле, за которое я никак не могу отвечать, то лучше я не сяду. Поступай как найдешь нужным, я ничего не могу поделать.

Фрау Петерс. Что ты, собственно говоря, думаешь обо всей этой истории, Инкен?

Инкен. Разное. Там видно будет, верно ли это.

Фрау Петерс. По сравнению с ним ты ребенок, — ему за семьдесят.

Инкен. Но я тем не менее вижу: он несколько не огорчается, что я моложе.

Фрау Петерс. Он? Еще бы он огорчался! Ты, право, наивна, дитя мое. Но для общества, для всех более или менее разумных людей будет иметь значение, что семидесятилетний старик заглядывается на подростка.

И н к е н. Подростка? Дорогая мама, ты ошибаешься во мне.

Ф р а у П е т е р с. Возможно. Я тебя действительно не понимаю. Ты знакома со многими молодыми людьми, тебе делали предложение молодые врачи, юристы и инженеры. Не станешь же ты внушать мне, что в твоём возрасте можно предпочесть старого, извини меня, чопорного господина.

И н к е н. Вот как! Если он не станет моим мужем, я застрелюсь.

Ф р а у П е т е р с (*в ужасе отмахиваясь*). Раз и навсегда, Инкен, избавь меня от таких преувеличений.

И н к е н. Это правда, а не преувеличения!

Ф р а у П е т е р с. Это болезненные, отчаянные фантазии, с которыми надо бороться всеми способами. (*После паузы.*) Не думай, Инкен, что я говорю так потому, что хоть на миг могу поверить, будто тайный советник делает тебе предложение. Это просто немыслимо! Скорее он женится на принцессе, чем на тебе. Прости меня, но ты ведь что-то вроде няньки при детях.

И н к е н. В таком случае, значит, он увлекается нянками.

Ф р а у П е т е р с. Да, увлекается: он просто хочет завести с тобой шашни. Ты еще будешь меня учить, что представляют собой такие старые греховодники! Я могла бы тебе многое порассказать, как бывает в жизни! Ты слишком дорога мне, и я не допущу, чтобы ты служила лакомым кусочком для пресыщенного светского человека. Известно, к чему их приводят порочные наклонности...

И н к е н (*серьезно*). Мама, давай поговорим серьезно. Ты меня не знаешь. А главное, не знаешь тайного советника, иначе ты бы не говорила о нем таких вещей. Господи, — нянька!.. Что я до сих пор знала? Тайный советник переродил меня. Доживи я до девяноста лет, я и тогда его не забуду! Я никогда не утрачу того, что он мне дал.

Ф р а у П е т е р с. Что же он тебе такое дал?

И н к е н. Этого не положишь на стол, как селедку или камбалу.

Ф р а у П е т е р с (*пожимая плечами*). Мне кажется, Инкен, мы хотели говорить серьезно.

И н к е н. Сегодня мне повезло с Клаузенами, мама. Сначала в городе я встретила Эгмонта и получила конфеты. Когда я шла сюда, мимо меня в открытом автомобиле проехала бедная кривобокая Беттина. Я знаю — она мой враг. И мне совершенно ясно — почему. Она знает, какой прекрасный, достойный любви, замечательный человек ее отец, и боится потерять его из-за меня.

Ф р а у П е т е р с. Ты страдаешь манией величия, дитя мое.

И н к е н. Верь или нет, от этого все равно положение вещей не изменится.

Ф р а у П е т е р с. Фрейлейн Беттина завидует тебе? Любимая дочь тайного советника ревнует к тебе, маленькой, ничего не значащей девчонке?

И н к е н. Да, мама, этим ты меня не сломишь. И скажу тебе откровенно: твоя дочь стала настолько взрослой, что вышла из-под твоей власти.

Ф р а у П е т е р с (*видимо, взволнована, однако сдерживается и говорит с неестественным спокойствием*). Прошу тебя, Инкен, скажи мне по чистой совести: ты что-нибудь от меня скрываешь?

И н к е н. Конечно. И не только «что-нибудь», но и гораздо большее. Это мое право, потому что это мое личное дело.

Ф р а у П е т е р с. Но могут возникнуть обстоятельства, которые столкнут нас с правосудием. Не захочешь же ты втянуть нас в судебное дело? Может быть, ты и подарки получила? Скажи, не подарил ли тебе тайный советник бриллиантовое кольцо, не надел ли тебе на палец кольцо с драгоценным камнем?

И н к е н. Ты меня поражаешь! Я буквально ошолбелена! (*Громко смеется.*) Ну что ж, клянусь! Я получила от тайного советника столько рубинов, смарагдов, бриллиантов, бериллов, хризопразов и как они еще там называются, — сколько ты видишь на моих поднятых для клятвы пальцах!

Ф р а у П е т е р с. Тем лучше для меня и для тебя, дорогая Инкен. Теперь скажи мне: не заговаривал ли с тобой тайный советник о браке?

И н к е н. Нет, потому что это вовсе не нужно. Кстати, после шоколада мне захотелось есть. Пойду отрежу себе

кусок хлеба. (*Входит в беседку, берет со стола хлеб, прижимает к груди и отрезает ножом ломоть.*) Скажи, мама, мой отец умер в тюрьме?

Фрау Петерс. Ты, видно, не в своем уме, детка?

Инкен. Он умер в предварительном заключении?

Фрау Петерс. Как ты можешь это говорить, Инкен?

Инкен. Он лишил себя жизни из-за того, что его обвинили в попытке незаконно получить страховую премию.

Фрау Петерс. Кто все это тебе наплел? Откуда ты это знаешь?

Инкен. Ты, по-видимому, все еще считаешь меня ребенком, дорогая мама. Но не волнуйся! Я давно об этом догадывалась. Я принимаю все так, как оно есть.

Фрау Петерс (*закрывает лицо руками*). Что это значит? Это ужасно.

Инкен. Мама, а разве ты этого не знала?

Фрау Петерс. Я просто сквозь землю провалюсь, Инкен. У кого хватило подлости...

Инкен (*очень спокойно*). Началось вот с чего. Я получила эту открытку. (*Вынимает из сумочки открытку и протягивает ее матери.*)

Фрау Петерс. Открытка? Чья подпись?

Инкен. Автор, по-видимому, счел подпись излишней. Прочитай спокойно. Стало будто бы известно, какая мы почтенная семейка! Нам следует как можно скорее убраться отсюда куда-нибудь, где нас никто не знает. Может быть, там еще найдутся люди, которые настолько слепы, чтобы доверить шайке преступников воспитание своих детей...

Фрау Петерс. Ложь! Ты это взяла с потолка, Инкен. Нет, такая низость невозможна! Когда-нибудь я расскажу тебе, какое несчастье много лет тому назад в один зловещий день разразилось над нами. Но твой отец был совершенно невиновен...

Инкен. Знаю. Я показала открытку доктору Штейницу. Я была сегодня утром у него на приеме. Он сказал мне то же самое.

Фрау Петерс. Да, доктор Штейниц знал твоего отца. И все, кто соприкасался с твоим отцом, — у меня в ящике сохранилась пачка писем к нему, — все знали,

что он неспособен на подобное преступление. Ты думаешь, тайному советнику известно об этом?

И н к е н. Штейниц утверждает, что известно. Я нарочно спросила его; иначе моим долгом было бы довести об этом до сведения тайного советника.

Снова раздается звон маленького колокола в церковке; оттуда выносят младенца. По ту сторону стены видна часть процессии. Опять выбегают дети; они окружают Инкен, просят хлеба. Фрау Петерс взволнованно ходит взад и вперед.

И н к е н (*кричит через головы детей*). Это даже хорошо, мама, что между нами теперь нет ничего недосказанного. Неужели я не вижу все так же ясно, как и ты? Теперь, если у тебя будет в этом потребность, ты можешь откровенно говорить со мной.

Ф р а у П е т е р с (*хватается за голову, бежит в дом*). Инкен, мы окружены врагами.

Инкен режет хлеб и раздает его детям. Через калитку, незамеченный, входит Клаузен в летнем костюме, видит происходящую сцену. Останавливается в умилении. Затем подходит ближе к оживленной группе и снова останавливается. Инкен замечает его.

И н к е н (*прикладывает руку к глазам*). Господин тайный советник? Вы? Или это только мое воображение?

К л а у з е н. Слава богу... или к сожалению. Но действительно это я. Рады вы мне или я напугал вас?

И н к е н. Если это испуг, то только радостный! — Ступайте, дети! Ступайте по местам. (*Зовет.*) Мама, присмотри, пожалуйста, за детьми. (*Отсылает детей в оранжерею.*) Мне некогда: пришел господин тайный советник... — Итак, это в самом деле вы! А я было готовилась к нескольким дням поста...

К л а у з е н. На пост это непохоже...

И н к е н. Я была в городе и только что вернулась; после этого всегда волчий аппетит. А сейчас его точно ветром сдуло.

К л а у з е н. Да, Инкен, я хотел пропустить три дня... даже гораздо больше... Но получилось так, как часто бывает с добрыми намерениями... Я снова здесь, и вы, наверно, думаете: даже на каких-нибудь жалких дватри дня нельзя отделаться от этого семидесятилетнего мучителя,

Инкен (любезно). Однако вы не сильны в чтении мыслей. (Смахивает пыль со стола и скамьи.) Вы снова здесь, и это самое главное!

Клаузен (кладет пальто, цилиндр, перчатки и трость на стол). Это похоже и на мое ощущение. Последнее время я немного хандрю, — не говоря уже о ежедневных неприятностях. Но как только под моими ногами зашуршал гравий вашего садика, мне стало значительно лучше на душе. Я все еще очень завишу от вас.

Инкен. И вас это мучает? Вы этого не хотите?

Клаузен. Я этого хочу, но не должен был бы хотеть.

Инкен. Это плохая рекомендация для вашего белокурого товарища, как вы меня иногда называете. (Берет себя в руки.) Будем веселы! В такое утро, как сегодня, хандрить не годится.

Клаузен (садится). Вы совершенно правы, Инкен. Здесь рядом даже свадьбу справляют.

Инкен. Крестины, что куда веселее. Вот несут младенца из церкви.

Клаузен. Колокола оповещают небо о появлении нового гражданина на земле.

Инкен. Может быть... Это красивая мысль.

Клаузен. Романтика исчезла из мира; а вокруг вас, Инкен, она все еще в полном цвету.

Инкен. Вы часто так говорите, но, к сожалению, это мне не помогает.

Клаузен. И поэтому вы объявляете меня просто никчемным.

Инкен. Напротив, это я чувствую себя никчемной. Так бывает всегда, когда не хватает сил помочь тому, к кому хорошо относишься. Вот тогда-то и чувствуешь себя лишним.

Клаузен (через стол протягивает ей руку). Дитя, будьте со мной терпеливы... Ну хоть еще немного.

Инкен. Терпеливой! Ах, если бы дело было только в этом...

Клаузен. Все дело в этом: терпение, терпение!..

Инкен. Пока не развернется земля или мне не будет произнесен приговор и не замкнется за мной дверь тюрьмы?..

Клаузен (*вздыхает*). Ах, Инкен, человек так ужасно двойствен.

Инкен (*после продолжительной паузы*). Я с первого взгляда поняла, что с вами что-то случилось. Вы хотите скрыть это от меня?

Клаузен. Вы правы. При наших отношениях я не должен скрывать это от вас.

Инкен. Итак, коротко и ясно, моя настойчивая просьба.

Клаузен. Короче говоря, если бы у меня хватило силы, я не поддался бы слабости и не пришел бы сюда. Будь мне все ясно, не требовалось бы никаких объяснений. Однако настает час, который мы оба должны встретить сильными. (*После длительной паузы.*) Возможны разные выходы: один из них — тот, который избрал Сенека и защищал Марк Аврелий. Древние называли его стоическим; кончаешь не только с каким-нибудь делом, а добровольно со всей жизнью.

Инкен. Этот выход многое облегчает.

Клаузен. Что ты говоришь? Инкен, не грехи! Кто смеет пренебрежительно отбросить молодость, полную надежд, полную радости, полную сил, приносящих близким счастье? То, что для человека семидесяти лет — законное право, для такой девушки, как ты, — преступление.

Инкен. Разница возраста здесь ни о чем не говорит.

Клаузен. Дайте мне слово, Инкен... Инкен, ради моей любви к вам: не преграждайте мне этот выход! Поклянись оставить меня одного! Если бы мне пришлось опасаться, что ты пойдешь по моему пути, я и в могиле не нашел бы себе покоя.

Инкен (*в слезах*). Я все время слышу, что должна оставить вас одного, не закрывать вам выход, не идти с вами по одному пути, не нарушать вашего покоя... Если это серьезно — быть может, я найду в себе достаточно воли...

Клаузен. Инкен, вы не хотите меня понять! Я не имею права связывать вас с моей судьбой. Но я обещаю, если обещаете и вы, что не воспользуюсь этим выходом. Именно с вами я не должен был говорить об этом.

Инкен. Это потому, что мой отец так необдуманно пошел по такому пути?

Клаузен. Оставим эту тему, Инкен. Будь я молод, я создал бы вокруг тебя новую жизнь. Ты бы забыла о смерти, Инкен! А так, слава богу, есть другой выход из моего конфликта, назовем его отказом от счастья из чувства долга.

Инкен. По-моему, это было бы убийством души, преступлением худшим, чем убийство физическое.

Клаузен (*с мукой в голосе*). Разве это возможно? Такой ребенок, как вы, и я вам дорог, Инкен?

Инкен. Нет, что вы?! Я не выношу вас.

Клаузен (*встает, глубоко взволнованный, ходит взад и вперед, сбивая тростью головки лилий. Останавливается перед Инкен*). Я должен сказать теперь всю правду. Может быть, она покажется тебе туманной, Инкен. Во мне сменяются день и ночь... «Сияние рая чередуется с глубоким, страшным мраком». Почему мне не процитировать Гёте,— он так метко сказал. Когда меня озаряет райский свет, я вижу синее небо и тебя, красные лилии и тебя, золотые звезды и тебя, голубые швейцарские озера и тебя, замок на высокой горе с зубцами и знаменами и в нем тебя, солнце и тебя, месяц и тебя. Одним словом, Инкен, тебя; я вижу тебя! Тебя! Но вот подкрадывается зловещая ночь, и появляется известный всем с детства дракон, который все это пожирает. После Ормузда властвует Ариман. Тогда я спускаюсь в мрачное подземелье Аримана, где пахнет горелым мясом и раскаленным железом. Там, внизу, я истекаю потом и кровью. Там, внизу, обитают привидения, подобные вампирам. Там, внизу, становятся вампирами те, что наверху были ангелами.

Инкен (*бросается ему на шею и не отпускает его*). Но тогда и там ты видишь меня, меня, меня... И дьявольское наваждение исчезает.

Долгое безмолвное объятие. Пастор Иммоос проходит за стеной, заглядывает в сад и удаляется. Отпрянув друг от друга, Инкен и Клаузен опускаются на скамью у стола.

Инкен. Слава богу, наконец! А я всегда испытывала к тебе ужасающее почтение.

Клаузен (*после некоторой паузы*). То ли это, что я искал? Что же дальше? Приказывай! Ибо твоя воля стала моей волей, Инкен! Я пришел сюда, так сказать, pour prendre congé¹. И вот бог двинул бровью — и все рухнуло, полетело. И вокруг нас воздвигся совершенно преображенный мир!

Инкен. И как крепко мы в нем утвердимся, любимый.

Клаузен. Да, моя любимая, утвердимся. Того, что уже рухнуло, нечего больше бояться. Послушай меня: я расскажу тебе, какое внешнее событие предшествовало этому повороту судьбы, какому обстоятельству мы должны быть благодарны. У меня сегодня утром впервые было тяжелое и бурное объяснение с Беттиной. Она забыла об уважении к отцу и осыпала меня упреками. Она зашла так далеко, что злоупотребила именем моей покойной жены. Она как бы взывала к ней против меня. Мне больно, меня волнует, когда такое дитя, как Беттина, которая всю жизнь обожала меня, поступает подобным образом. Это обиженное судьбой существо всегда было олицетворением послушания и самопожертвования. После смерти матери она, словно Антигона, водила меня, как слепого. А теперь, любимая, я вверяю тебе искалеченного человека, все, что от меня осталось.

Инкен. Ты ведь хотел рассказать о Беттине?

Клаузен. Я не привык из всего делать тайну. Вот почему наши отношения стали известны. Правда, молва далеко опередила факты, но сейчас она уже соответствует истине... В наших отношениях нет ничего нерешенного. В знак этого, Инкен, прими это кольцо. (*Надевает ей на палец кольцо, которое она целует.*) Этого кольца Беттина не нашла в шкатулке своей матери, с этого и началась ссора. Пусть оно неразрывно соединит нас. (*Встает.*) Инкен, мне так хорошо и свободно на душе, как не было еще никогда в жизни. И так — до конца. Будем стоять друг за друга!

З а н а в е с

¹ Подать в отставку. (*Франц.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же большая комната, что и в первом действии. В одной ее части накрыт стол к завтраку на девять приборов. Поздняя осень. Начало октября.

Входят санитарный советник Штейниц и фрау Петерс.
Он в визитке, она — в черном костюме.

Фрау Петерс (*глубоко опечаленная*). Я-то хотела, чтобы брат согласился с предложением хозяев на перевод его в польское поместье.

Штейниц. Не угодно ли вам раздеться, фрау Петерс?

Фрау Петерс. Нет, я уже сказала тайному советнику. Ведь я сначала думала, что мы будем одни. Я боюсь этого семейного завтрака. Инкен согласилась со мной. Шофер ждет; он отвезет меня домой.

Штейниц. Пожалуй, этот завтрак не доставил бы вам большого удовольствия...

Фрау Петерс. Я еще хочу вам кое-что показать, чтобы вы видели, как меня исподтишка преследуют и позорят. (*Вытаскивает из сумочки открытку и протягивает Штейницу.*) Это анонимная открытка.

Штейниц (*с открыткой в руках*). Не нужно быть графологом, чтобы узнать почерк. Открытка написана той же рукой, что и первая, полученная Инкен несколько недель назад.

Фрау Петерс. Это непостижимо! В открытом письме... Подумайте, в чем меня обвиняют: будто это я при переезде облила керосином фургон с нашим имуществом. И якобы есть доказательства. Мне грозят судебным процессом....

Штейниц. Оставьте мне этот документ. «Что за преимущество гнусным сокрушаться,— говорит кумир этого дома,— гнусность есть могущество, надо в нем признаться». (*Кладет открытку в карман.*) Но вы не должны придавать этому никакого значения. Я провожу вас до автомобиля, фрау Петерс.

Оба уходят. Тихо входит Винтер, осматривает стол и раскладывает салфетки. Через некоторое время так же на цыпочках входит Эрих Кламрот.

Кламрот. Винтер!

Винтер. Слушаю, господин директор.

Кламрот. Кто в кабинете у тайного советника?

Винтер. Кажется, доктор Вуттке.

Кламрот. Вуттке выходил из дома, когда мы с женой подъехали в автомобиле. И к тому же я слышал женский голос.

Винтер. Быть может, это фрейлейн Беттина зашла к отцу.

Кламрот. Да вы с ума сошли! Я прекрасно знаю пискливый голосок Беттины.

Винтер. Простите, господин директор, в таком случае я не знаю, кто находится у господина тайного советника.

Кламрот. Вы не знаете? Так я вам и поверил! Стоит в этом доме блохе чихнуть, и то вы будете знать.

Винтер. Это слишком большая честь для моего слуха.

Кламрот. Только что Штейниц посадил в автомобиль какую-то даму в черном. Ее повез шофер тайного советника. Кто эта дама, вы тоже не знаете?

Винтер. Во всяком случае, не могу вам точно сказать.

Кламрот. Что это значит — да или нет? При такой изворотливости вы могли бы стать посланником. Тогда я вам скажу, кто она. Это была мать Инкен Петерс.

Винтер. Это, конечно, возможно.

Кламрот. А сама Инкен Петерс у тайного советника в кабинете. Ну, теперь без обиняков: сколько раз в неделю приходит сюда эта швейка?

Винтер. Если она приходит, то без моего ведома. В последний раз я видел ее в день семидесятилетия господина тайного советника.

Кламрот. И вы не знаете, она ли в его кабинете?

Винтер. Возможно. Если господин директор так считает, не смею спорить. *(Уходит.)*

Кламрот *(кричит ему вслед)*. Эй вы, человек-змея! При всей вашей изворотливости стрелку часов вам не повернуть назад. *(Несколько раз проходит по комнате, затем останавливается у стола и пальцем считает приборы. Покончив с этим, обдумывает, снова считает, изумленно качает головой, как человек, которому что-то непонятно.)*

Входят под руку Беттина и Оттилия.

Беттина. Я очень рада, что мы все собрались здесь. Я не случайно настаивала перед папой на том, чтобы возобновить эти ежемесячные семейные завтраки...

Кламрот *(быстро поворачивается и подходит к сестрам)*. Вы знаете, в кабинете вашего отца, кажется, сидит Инкен Петерс.

Беттина *(бледнея)*. Кто это сказал? Я не могу этому поверить.

Кламрот. Я узнал ее по голосу. Когда я проходил мимо, дверь из коридора была неплотно закрыта.

Беттина. Инкен Петерс ни разу не была здесь со дня рождения отца. Что это может значить? Как раз сегодня, в день нашего семейного завтрака...

Кламрот. Это может означать многое... о чем и подумать страшно.

Беттина. Извините, я пойду за Винтером. *(Уходит.)*

Кламрот. Оттилия, будь любезна, подойди. *(Подводит ее к столу.)* Сколько приборов ты здесь видишь?

Оттилия *(считает)*. Один, два, три... девять приборов.

Кламрот. Сколько человек в нашей семье?

Оттилия *(как бы рассаживая всех за столом)*. Отец, Беттина, ты и я — четверо... Эгерт, Вольфганг и

его Клотильда — это семь. Здесь сидит «брюзга», как папа называет Штейница, но без него папа никак не может обойтись.

К л а м р о т. Черт с ним, с «брюзгой»! Кого будут кормить здесь, за девятым прибором?

О т т и л и я. Не знаю.

К л а м р о т. Знаешь, но не хочешь этого знать, Оттилия.

О т т и л и я. Нет, клянусь тебе, Эрих, отец нас так не оскорбит!

К л а м р о т. Что мне от твоих клятв, Оттилия? А впрочем, я просто не буду присутствовать. У меня и так нет лишнего времени. Застольная философия вашего отца и профессорские разглагольствования Вольфганга меня не интересуют. У вас я всегда опрокидываю бокал за бокалом потому, что от скуки чуть не валюсь со стула. Лучшие куски не лезут в глотку, будто их в песке вываляли.

О т т и л и я (*боязливо*). Ты ведь сам говорил, что в интересах семьи хочешь присутствовать на этом завтраке.

К л а м р о т. Да. Я должен присутствовать, потому что мрачно смотрю на будущее. Я должен знать все, что здесь творится, чтобы предупредить хотя бы худшее! Фантазии и сентиментальные бредни Клаузена постепенно становятся опасными для жизни.

О т т и л и я. Ты только не волнуйся, Эрих.

К л а м р о т. Вы не понимаете духа времени. Все витает в облаках, а на нашего брата смотрите свысока.

О т т и л и я. Никто не смотрит на тебя свысока. Просто нашей семье свойствен некоторый идеализм...

К л а м р о т. Ты думаешь, это объясняет, почему твой отец тратит сумасшедшие деньги на шелковые рубашки и кальсоны? И делает себя и вас общим посмешищем?

О т т и л и я. Как так? Что все это значит, Эрих?

К л а м р о т. Над этим потешается весь город. Ну, мне здесь слишком душно! Пойду в сад. (*Уходит.*)

О т т и л и я. Эрих, не убегай! Прошу тебя!

Возвращается Беттина.

Б е т т и н а. Не верится, но у отца действительно ка-

кая-то дама. Пойдем со мной. Я закроюсь у себя в комнате. Если твой муж прав, меня сегодня напрасно будут ждать к завтраку. *(Уходит, уводя с собой Оттилию. Обе взволнованы.)*

Снова появляется Винтер; возится у стола. Прислушивается к далеким голосам. Немного погодя входят Штейниц и Инкен. Винтер ведет себя так, будто он увидел привидение, и в страхе удаляется. Инкен этого не замечает, но Штейниц весело смеется.

Инкен. Что с вами, господин Штейниц?

Штейниц. Мне вспомнилось кое-что смешное. Так вот, это библиотека, фрейлейн Инкен...

Инкен. Где я уже раз была.

Штейниц. А вот портрет покойной фрау Клаузен... когда она была молодой, невинной девушкой.

Инкен. Я боюсь этой женщины, доктор.

Штейниц. Ее больше нет, чего же вам бояться? Правда, она была важная дама. Так же как и обе ее сестры. Одна сумела стать настоящей английской леди, другая играла первую скрипку в Бохуме. Они сумели выбрать себе супругов. Их мужья были тихие, тонко мыслящие люди, которые имели все данные для большой карьеры. Они ее и сделали. Наша тайная советница была душой города. Сюда съезжалось столько гостей, что тайному советнику иногда приходилось искать себе ночлег в отеле. Музыканты, художники, крупные ученые и государственные деятели — все прошли через ее дом.

Инкен. После этого кажешься себе особенно ничтожной.

Штейниц и Инкен идут в соседнюю комнату.

Штейниц. А тут был ее будуар. Как видите, здесь много ценных вещей. Не только супруг, — все осыпали ее подарками.

Оба уходят. Снова входит Винтер, продолжает сервировать стол. Затем появляются Беттина, Оттилия, профессор Вольфганг Клаузен, Паула Клотильда, урожденная фон Рюбзамен. Паула Клотильда большими шагами направляется к камину и ставит под портретом покойной фрау Клаузен пышный и безвкусный букет цветов.

Паула Клотильда. Первым долгом почтим память моей превосходной незабвенной свекрови.

Беттина. Как ты меня тронула, моя добрая Паула! Паула Клотильда (*поднимая глаза к портрету*). Будь с нами! Будь с нами! Пусть твой дух сплотит нас воедино.

Оттилия. И Эрих говорит: «Мы должны решительно держаться вместе, не обращая ни на что внимания и без сентиментальностей».

Беттина (*прикладывает платок к глазам*). О, если бы это не было так тяжело! Ах, как мне тяжело! (*Плачет.*)

Паула Клотильда. Успокойся, дорогая, все будет хорошо.

Вольфганг. Что случилось? Почему ты так печальна, Беттина?

Беттина. Ничего, ровно ничего, Вольфганг! Ничего не случилось.

Вольфганг. Для меня здесь слишком много волнений. Лучше бы я сюда не приезжал. Такая напряженная атмосфера не соответствует тихой жизни ученого.

Паула Клотильда. Иначе нельзя было. Ты должен был приехать.

Беттина. Так бесконечно жаль отца. Я теряю в нем больше, чем вы все. Этот возвышенный, чистый человек, на которого я взирала с изумлением!.. Нет, такого разочарования я не перенесу!..

Вольфганг. Разве отец все еще не образумился?

Оттилия. Нас ждет еще одно неслыханное оскорбление. Не угодно ли вам будет взглянуть на этот стол и сказать, кто будет сидеть за этим лишним прибором?

Входит Винтер.

Вольфганг. Вот и Винтер! Можете вы сказать нам, кого еще ждут кроме доктора и нас?

Винтер. Нет, господин профессор, этого я не могу вам сказать. Сначала было накрыто на десять персон, потом тайный советник велел один прибор убрать. Я сказал господину тайному советнику: «Простите, но все еще один прибор лишний». Тогда господин тайный советник набросился на меня: «Ничего нет лишнего! Замолчи!» (*Проходит по комнате и удаляется.*)

Паула Клотильда (*стремительно ходит взад и вперед*). Сесть с этой швейкой за один стол?!..

Вольфганг. С дочерьми каторжников обычно за стол не садятся. Это может стоить мне служебного положения.

Беттина. Нет, нет и еще раз нет! Я не поверю, чтобы отец мог от нас этого потребовать.

Входит Эгмонт.

Эгмонт. Что случилось? Что здесь происходит, господа! Вы похожи на потревоженных ос... Эрих Кламрот как одержимый носится по саду, да и вы здесь наверху словно с ума сошли.

Вольфганг. Да, бывают вещи, превышающие меру терпения даже почтительного сына.

Оттилия. Тебе известно, зачем здесь девятый прибор?

Эгмонт. Думаю, придет Инкен Петерс. Может быть, она уже в доме.

Паула Клотильда. Ты так просто говоришь об этом, дорогой Эгерт.

Эгмонт. Да, я говорю об этом просто.

Паула Клотильда. Ты не понимаешь всего значения этого шага. Страшные времена наступят, мой милый мальчик, когда ты должен будешь назвать эту продащицу мамой.

Эгмонт. У тебя фантазия, поистине достойная Данте. Мой совет тебе — не преувеличивай.

Паула Клотильда. А ты, Эгмонт, не понимаешь, что говоришь! Нужно взять в оборот старую Петерс. Эта ведьма знает, чего хочет. Ей предлагали целое состояние, лишь бы она убралась отсюда вместе со своей дочкой. Наотрез отказалась. Дочь — ее капитал, и она через нее надеется выручить гораздо больше.

Эгмонт. Паула, ты всюду видишь утонченную хитрость, на которую эти простые люди не способны. Присмотришься к ним поближе. О деньгах я ничего не знаю. Но Инкен такой прямодушный и скромный человек, что за нее я готов ответить головой! Мы с папой и Инкен были втроем в зоологическом саду и чудесно провели там полчаса!..

Паула Клотильда. Возможно, дочь еще не так испорчена. Но у матери Инкен многое на совести.

Беттина. Что ты говоришь? На что ты намекаешь?

Паула Клотильда. Муж старой Петерс умер в следственной тюрьме. Как известно, он покончил с собой. Недавно Ганefeldт ознакомился с материалами судебного следствия. Этого человека — железнодорожного инспектора — обвиняли в поджоге собственного имущества при переезде семьи. Но говорят, что это дело ее рук. Подозрение все больше и больше падает на Петерс. Вероятно, ее присудили бы к каторжным работам, если бы не окачурился единственный свидетель — ее муж.

Эгмонт. Я верю больше Штейницу, чем Ганefeldту. А Штейниц не допускает и мысли о виновности фрау Петерс.

Паула Клотильда. Она марионетка в его руках. Он в этом заинтересован. И хорошо знает, почему это делает. А у нас совсем другие сведения.

Входит Штейниц.

Штейниц. Прошу вас спокойно указать мне на дверь, если я здесь лишний.

Эгмонт. Вы пришли как раз вовремя, доктор. Моя уважаемая невестка только что прошла по адресу фрау Петерс.

Паула Клотильда. Я говорила только о том, что написано в документах и уже доказано...

Штейниц. Что же написано в документах? Что доказано?

Вольфганг. Паула, не будем касаться таких вопросов.

Эгмонт. Моя невестка считает, что фрау Петерс виновна в поджоге! А муж ее в тюрьме покончил с собой будто бы для того, чтобы спасти жену.

Штейниц. Такими утверждениями в последнее время стали запугивать почтенную фрау Петерс даже посредством анонимных писем, составленных в самых площадных выражениях. Одно из этих писем она мне

показала. Я собираю подобные документы человеческой подлости. Кажется, открытка при мне. *(Достает открытку из кармана и протягивает ее Пауле Клотильде.)* Да вот она, если кому-нибудь интересно.

Паула Клотильда *(немного растерявшись, так как открытка написана ею)*. Мне неинтересно. Почему это может меня интересовать?

Штейниц. Я думал, что открытка вас заинтересует: автор этой недостойной мазни высказывает то же мнение, что и вы.

Паула Клотильда. Как так «мазни»? Кто мог написать эту анонимную открытку?

Штейниц. Не знаю,— ведь она анонимная.

Вольфганг *(Штейницу)*. Надеюсь, вы не хотели этим сказать, что образ мыслей моей жены совпадает с образом мыслей анонимного автора?

Штейниц. Разумеется, нет. Я, конечно, далек от этого.

Паула Клотильда. Подобные вещи просто швыряют в камин. *(Пытается это сделать, но открытка падает на пол.)*

Штейниц. Я хотел бы, чтобы вы так же поступили с вашим ошибочным мнением о фрау Петерс. А открытку я должен сохранить. *(Поднимает ее.)* Возможно, она еще пригодится фрау Петерс для защиты.

Паула Клотильда. Пригодится или нет — мне безразлично.

Во время этой сцены профессор Вольфганг Клаузен и Беттина под руку прогуливаются по комнате и оживленно шепчутся. У Беттины на глазах слезы. Вольфганг останавливается и пристально смотрит на Беттину.

Вольфганг. То, что ты говоришь, невозможно.

Беттина. Клянусь богом, чистая правда, Вольфганг!

Вольфганг. Это было бы расхищением самого дорогого, самого священного, что у нас осталось.

Беттина. Я прошу тебя, Вольфганг, молчи!

Оттилия. Можно узнать, о чем вы говорите?

Беттина. Прошу тебя, не спрашивай. Пусть об этом знаю я одна.

Вольфганг. Оттилия — наша сестра, Беттина. Даже хорошо, чтобы она узнала. Отец взял и отдал этой девушке кольца и драгоценности покойной мамы! Следовало бы завесить портрет матери, если вы переживаете это так же, как я.

Оттилия. О господи! Мне это так же тяжело, как тебе!

Паула Клотильда (*сильно встревоженная тем, что Штейниц подозревает в ней автора анонимной открытки*). Вольфганг, пожалуйста, возьми меня под руку. Я с утра плохо себя чувствую. Пожалуй, лучше было бы остаться дома.

Вольфганг (*берет жену под руку и водит ее назад и вперед по комнате*). Тебе часто помогает рюмка коньяку, Паула. Да, впрочем, я тебе уже говорил: драгоценности нашей матери постепенно переходят к любовнице отца.

Паула Клотильда. Вздор! Это совершенно невозможно! Ты меня не уверишь в этом, Вольфганг! Какой скандал!..

Эгмонт (*Оттилии*). Ради бога, не поднимайте шума из-за пустяков! Пусть маленькая Инкен позавтракает с нами, всем хватит!..

Оттилия. Ты слышал? Теперь я окончательно боюсь за рассудок папы!

Эгмонт. Что еще я должен был слышать?

Оттилия. Отец разбазаривает драгоценности покойной мамы. Эта Инкен уже носит ее кольца, браслеты, брошки... Если я скажу мужу, Эрих будет вене себя. (*Быстро уходит искать мужа.*)

Вольфганг. Скажите откровенно, доктор, верны ли слухи, будто отец купил на Цугском озере старый замок и поручил берлинскому архитектору реставрировать его?

Штейниц. Я знаю только, что подобные планы у тайного советника были. Он не раз говорил, что хочет на старости лет иметь уединенный уголок.

Эгмонт (*обнимает за плечи доктора*). Дядя Штейниц, ведь вы не можете одобрить, если отец действительно дарит Инкен наши и мамины фамильные драгоценности? Наверно, и вам это кажется непонятным.

Штейниц. Все это нисколько меня не касается. Вы давно знаете, что я не вмешиваюсь в интимную жизнь семьи Клаузен.

Эгмонт. Тогда нужно повесить портрет мамы. *(Подходит к Беттине.)* Ты слышала, Беттина, что произошло с мамиными драгоценностями?

Беттина. Ради всего святого, не говори об этом! Я доверилась Вольфгангу, а он, к сожалению, не скрыл от Оттилии.

Эгмонт. Сомнений нет,— отец безумный!

Беттина. Эгерт, умоляю тебя, не говори так! Это терзает мне душу. Я не могу выдержать! Только бы Оттилия не сообщила Кламроту. Я не выношу его манеру говорить об отце. Оставь меня, я ненадолго пойду к себе. *(Уходит.)*

Входят Кламрот и Оттилия.

Кламрот. Это уж слишком! Он еще начал раздавать фамильные драгоценности!

Оттилия. Говорят, от них осталась только половина.

Кламрот. Быть может, еще хуже другие дела, в которые он пускается. Я говорю о бессмысленных затратах, угрожающих всему его состоянию! Он уже не может всего охватить; у него неполная или пониженная вменяемость.

Вольфганг *(Штейницу)*. Скажите, нельзя ли аннулировать покупку замка, если она действительно состоялась?

Кламрот *(вмешиваясь в разговор)*. Я был у юстиции советника Ганефельдта. Закон не дает нам таких прав. Или должно произойти нечто невероятное!

Вольфганг. Я уже считаю отца невменяемым.

Паула Клотильда *(у стола)*. Я сдерживаюсь, а то я бы вышвырнула с балкона этот прибор. Мне хочется кричать: «К черту! К черту!»

Входит Винтер.

Вольфганг. Ты права. Винтер, уберите эти тарелки, эту салфетку, эти вилки и ножи! За семейным столом нас только восемь.

Винтер. Простите, но мне строго приказано...

Вольфганг. Если вы не хотите, я сделаю сам. Будете упрямыми, придет время — я вам припомню.

Винтер убирает прибор.

Паула Клотильда. Надо стремиться вверх, а не опускаться.

Эгмонт (*хватается за голову*). Я начинаю думать, что каждая семья — это замаскированный сумасшедший дом!

Кламрот. Тише, немислимое, кажется, свершается!

Клаузен вводит Инкен Петерс.

Клаузен (*принужденно весело*). Доброе утро! Потеряли терпение? Наверно, проголодались? Который час? Я привел к вам Инкен Петерс. Мы с ней и с Эгертом побывали в зоологическом саду. Доставили себе это детское удовольствие. — Очень мило, что ты пришел, Вольфганг! — С добрым утром, милая невестка! (*Обращаясь к Вольфгангу*.) Кстати, какие у тебя дела с советником юстиции Ганефельдтом? Говорят, он встречал тебя на вокзале?

Вольфганг. Как ты знаешь, мы друзья детства.

Клаузен. Значит, как я и Гейгер. Это чрезвычайно редкий случай — молодость и дружба исчезают одновременно. Итак, сядем. (*Замечает отсутствие Беттины*.) Где Беттина? Пора уже начать завтрак. Эгерт, милый, скажи Беттине, что мы все в сборе.

Эгмонт уходит.

Какие новости ты привез из Фрейбурга, дорогой Вольфганг?

Вольфганг. Там все как всегда — ровно ничего нового.

Клаузен (*Кламроту*). Хорошо ли работает новая ротационная машина? Но об этом поговорим после завтрака. Если Беттина не придет, давайте сядем за стол.

Вольфганг. Мне все же хотелось бы подождать Беттину.

Возвращается Эгмонт.

Эгмонт. Беттина просила передать, что ей сегодня не по себе. Просит начать без нее.

Клаузен (*подчеркнуто, Штейницу*). Я прошу Беттину прийти... Ведь она должна заменять хозяйку дома. Дорогой Штейниц, надеюсь, вы скажете мне, что с ней случилось?

Штейниц уходит.

Эгмонт. Думаю, обычная мигрень.

Инкен. Господин тайный советник, вы не очень рассердитесь, если я попрошу вас отпустить меня? Вы помните, я уже просила вас об этом. Меня ждет дома мама. У нее срочные дела. С детьми останется только дядя.

Клаузен. В садоводстве есть телефон: Эгерт, будь добр, позвони фрау Петерс.

Инкен. Я ведь сказала: мама должна уйти, у мамы срочные дела.

Клаузен. Ах да, у фрау Петерс срочные дела... (*Бледнеет, тяжело дышит, хочет говорить, многозначительно смотрит то на одного, то на другого, собираясь что-то сказать, но сдерживается, с возрастающим нетерпением молча ходит взад и вперед. Внезапно останавливается перед Вольфгангом.*) Ты, собственно, знаком с фрейлейн Инкен?

Вольфганг. Нет. В день твоего рождения фрейлейн не была представлена мне.

Клаузен (*с ударением*). Тебя не представили даме? Итак, я хочу тебя представить: это мой сын Вольфганг, фрейлейн Инкен.

Входят доктор Штейниц и Беттина.

Штейниц. Господин тайный советник, я привел вам исцеленную.

Беттина. Прости, папа, я охотно пришла бы, но только думала, что я больше здесь не нужна.

Клаузен. Почему ты так думала?

Беттина. Почему? На это трудно ответить.

Клаузен. Прошу к столу. (*Беттине.*) Об этом после.

Все садятся. Инкен остается без места. Клаузен замечает это и быстро вскакивает.

Клаузен. Что это значит? Пожалуйста, сюда, на мое место, Инкен!

Винтер. Прошу прощения, я сначала накрыл на девять приборов, и...

Клаузен. И что же?.. Куда он делся? Я спрашиваю о девятом приборе.

Винтер. По приказу господина профессора Вольфганга я...

Тяжелая пауза.

Клаузен (*ударяет кулаком по столу так, что падают бокалы*). Черт возьми! Подать его сюда!

Инкен поспешно ускользает.

Штейниц. Успокойтесь, ради бога, дорогой тайный советник.

Клаузен (*приходит в себя, замечает отсутствие Инкен*). Куда исчезла фрейлейн Инкен?

Эгмонт. Ничего удивительного, если она сбежала от такой гостеприимной семьи.

Клаузен (*с глубоким негодованием, угрожающе*). Скорее вы все, один за другим, покинете мой дом, чем оттолкнете ее от этого порога! (*Идет за Инкен, чтобы вернуть ее.*)

Общее волнение и смятение.

Штейкиц. Итак, чего вы добились, господа?

Вольфганг. Никто не может требовать от меня, чтобы здесь, перед портретом покойной матери, я подавлял в себе чувство возмущения и отвращения.

Кламрот. Могу только сказать, что в этом есть и хорошее. Мы теперь все ясно слышали, какая судьба нас ожидает.

Штейниц. Да, вы это слышали ясно. И было бы большой ошибкой сомневаться в значении слов, сказанных таким человеком, как тайный советник.

Беттина (*хватается за голову*). Я больше ничего не понимаю! Я как безумная!..

Вольфганг. Этого понять нельзя. Или, может быть, вы, доктор, объясните мне, как уста нашего отца,

который выше всего на свете ставил свою семью, могли произнести такую угрозу?

Штейниц. Его тягчайшим образом оскорбили. Он раздражен.

Эгмонт. И все же — это слишком! Он грозит выгнать из родного дома всех своих детей.

Штейниц (*прислушивается*). Петерс уехала — тайный советник возвращается один.

Вольфганг. Я решил, — я ему отвечу!

Все ждут страшного взрыва гнева. Однако тайный советник входит совершенно изменившийся, спокойный и непринужденный, будто ничего не произошло.

Клаузен. Мы опоздали, сядем.

Все садятся вокруг стола. Винтер и второй лакей начинают подавать. Некоторое время едят молча. Наконец тайный советник начинает.

Что нового в Женеве, господин Кламрот?

Кламрот. В Женеве... в данную минуту... я, право, не знаю.

Клаузен. Оттилия, у твоего младшего ребенка была свинка? Надеюсь, он выздоровел?

Оттилия. Уже давно, папочка! Уже восемь дней, как он играет в песке.

Клаузен. Вольфганг, ты читал прекрасную статью доктора Августа Вейсмана? Он, кажется, был профессором у вас в Фрейбурге?

Вольфганг. Чтобы ответить, я должен знать, о чем эта статья!

Клаузен. О чем? О жизни и смерти.

Вольфганг. Это тема вообще всей литературы.

Клаузен. Вейсман, однако, утверждает, что существует только жизнь.

Вольфганг. Что, конечно, несколько преувеличено.

Клаузен. Он отрицает смерть. Он отрицает, что смерть — необходимый перерыв для продолжения и обновления жизни.

Вольфганг. Для молодых смерть — возможность, для стариков — неизбежность.

Клаузен. Я вижу, ты ровно ничего в этом не понимаешь. — Надеюсь, ты теперь совершенно здорова, Беттина?

Беттина. Ты знаешь, у меня бывают приступы слабости.

Клаузен (*сдерживая волнение, отрывисто*). Головная боль, сердцебиение, тошнота... Рад, что ты снова в порядке. Послушай, Эгерт, тебе неплохо было бы совершить путешествие по следам Фильхнера или Свена Гедина. В пустыне Гоби есть блуждающее озеро... оно называется Лоб-Нор. За несколько десятилетий оно перешло с крайнего севера пустыни на крайний юг и снова тем же загадочным путем вернулось на крайний север.

Штейниц. Свен Гедин писал об этом.

Клаузен (*Кламроту*). Объясните, почему эту хорошую статью мы не поместили в наших газетах?

Кламрот. Я не могу за всем усмотреть.

Клаузен. Этого и не нужно. В конечном счете, общее руководство за мной. Пусть только каждый будет на своем месте.

Кламрот. Хочу думать, я на своем.

Клаузен. Продолжается, Беттина?

Беттина (*в недоумении*). Что ты хочешь этим сказать?

Клаузен. Твое хорошее самочувствие продолжается?

Беттина (*борется с волнением*). Ты, может быть, думаешь, что я притворялась? Я только человек, отец. Жизнь иногда ставит нелегкие задачи. Ты этого не будешь отрицать.

Клаузен. Конечно, не буду. Но, кстати, вопрос, Беттина: как по-твоему, соблюдение приличий, самых простых, обычных приличий... ты считаешь тяжелой или легкой задачей?

Беттина. Соблюдение приличий для воспитанных людей вовсе не задача, это нечто само собой разумеющееся.

Клаузен. А вы все воспитанны, Беттина?

Беттина. Я думаю, ты не можешь отказать в воспитании нашему кругу.

Клаузен. Слишком немецком воспитании: в образцовой детской комнате; хотя кое-кто из вас сидит наклонив стул и при этом еще кладет локти на стол.

Кламрот, который сидит именно таким образом, медленно убирает локти со стола и выпрямляет стул.

Нет, в воспитании я вам не отказываю, но в нем, как и в ваших манерах, есть некоторые пробелы. Поговорим лучше о другом. Одно время у меня была мысль совершенно уйти от дел. Как бы вы к этому отнеслись, уважаемый зять?

Кламрот. Если бы это случилось, то какое имело бы ко мне отношение? В лучшем случае это коснулось бы Оттилии.

Клаузен. Что если я, как тот безумный старый король, раздам все свое имущество? Кто из вас окажется Корделией?

Эгмонт. Я вижу, папа, ты склонен заниматься остротами.

Клаузен. Предположим, я ушел от дел...

Вольфганг. Ты не должен уходить, дорогой отец.

Клаузен. Твое мнение, что я не должен?

Вольфганг. Я ничего не понимаю в делах. До сих пор среди нас нет никого, у кого хватило бы сил тебя заменить.

Клаузен. К сожалению, я должен это полностью подтвердить.

Беттина (*взволнованно*). Я бы хотела, чтобы ты заглянул в наши души, отец, и увидел, что без тебя мы совершенно не мыслим жизни. Ты не знаешь, как трепещет за тебя мое сердце. Ты — наше самое большое сокровище, и мы не хотим лишиться его.

Вольфганг. Мы хотим только успокоения. Рассей волнующие нас страхи. Ты можешь это сделать одним ласковым словом. Я женат, у меня дети, у Оттилии дети. Мы боимся за наше существование; нам кажется, будто мы стали для тебя чужими.

Клаузен. А позвольте спросить вас всех: кто возьмет на себя заботу о моем существовании?

Кламрот. Времена тяжелые, господин тайный советник. Однако нет никаких оснований для серьезных

беспокойств за нашу добрую, старую фирму. Возможно, моя деятельность не всегда вполне соответствует вашей точке зрения, но в общем я могу нести полную ответственность. Кроме того, я знаю, что мне делать. Мои идеи, мои поступки, мое влияние на все предприятие — в этом нет никаких сомнений — основаны на моей непоколебимой воле.

К л а у з е н. Я понимаю все значение этого заявления, уважаемый зять. Значит, вы пригласили уже своих поверенных?

К л а м р о т (*вытирает рот салфеткой, взволнованно вскакивает, шагает по комнате*). Довольно! Я больше не хочу этого слушать. Прикажете проглотить и это ваше оскорбительное подозрение?

Б е т т и н а (*примирительно*). Не надо так волноваться, Эрих. Ведь речь идет только о том, сохранилось ли у отца прежнее отношение к нам, можем ли мы по-прежнему рассчитывать на отцовскую любовь? Может быть, он скажет, как он представляет наше будущее. Конечно, в духе согласия и любви.

К л а у з е н. Это ты, дитя, говоришь о согласии и любви?

К л а м р о т. А я коснулся только деловых вопросов. В делах, Беттина, властвует реальное; одним согласием и любовью тут ничего не сделаешь.

К л а у з е н. Принимаю к сведению ваш боевой вызов, господин Кламрот. Но он не беспокоит меня.

К л а м р о т. Я пока еще очень далек от боевого вызова, господин тайный советник.

К л а у з е н. Вношу в протокол также ваше «пока».

Э г м о н т. Ради самого неба, между нами ведь нет борьбы! Мы все уверены, что ты по-прежнему питаешь к нам самые лучшие отеческие чувства.

К л а у з е н. Ты оказываешь мне такую же честь, как если бы выдал свидетельство, что я не кабан, пожирающий своих детенышей.

В о л ь ф г а н г. Мы не можем больше бродить в потемках. Мы хотим одного — доверия.

К л а у з е н. Оно было бы оказано вам давным-давно, но я не чувствую в этом потребности.

Вольфганг. Значит, ты считаешь нас недостойными твоего доверия? Такой обиды никто из нас не заслужил.

Паула Клотильда. Этим заявлением отец указывает, что наше место в людской.

Клаузен (*встает бледная, в припадке яростного гнева*). Да, да и да, именно в людской! Там ваше место после того, как вы обошлись с этой ни в чем не повинной девушкой и с вашим отцом! Там вам место! Что дает вам право так бесстыдно вести себя? Не то ли, что вы избалованные, вскормленные трудами и заботами ваших родителей, жадные эгоисты? Вы хотите командовать вашим отцом, вашим воспитателем! Вашим кормильцем, вашим защитником! Вы хотите вывернуть наизнанку четвертую заповедь и заменить ее словами: «Обесчести мать и отца своих!» Ибо во мне вы обесчестили и вашу мать. Разве я ваше создание? Ваша вещь? Ваша собственность? Разве я не свободный человек с правом свободного решения? Разве по отношению ко мне вы имеете права инквизиции или наказания? Разве вы имеете право направлять мои шаги, пускать по моему следу ищеек и тайком устанавливать надо мной наблюдение, как над преступником? Или вы воображаете, что я все это стерплю? Что я позволю вам распоряжаться жизнью и смертью вашего отца?

Кламрот. Мы не претендуем на право жизни и смерти, но мы не можем спокойно смотреть...

Беттина. Отец, отец, взгляни на портрет матери!

Клаузен. Не злоупотребляй тем, что свято!

Вольфганг. А я считаю злоупотреблением, когда через этот священный для нас порог приводят дочь человека, покончившего с собой в тюрьме!

Беттина. Папа, у меня разрывается сердце! Подумай о маминих драгоценностях!

Клаузен (*сжимая кулаки*). Вон! Сию минуту вон! Все, все!

Эгмонт. Но, дорогой отец...

Вольфганг. Если так, то в тысячу раз лучше нищета! Лучше уйти с женой и детьми куда глаза глядят, чем терпеть такое обращение!

К л а м р о т. Да, в тысячу раз лучше уйти и терпеть нужду! Впрочем, у меня найдется достаточно сил, чтобы оградить от нее себя и свою семью. Этим вам не повернуть часовой стрелки назад. Зачем мне тратить силы, служа на тонущем корабле?

К л а у з е н. Этого и не требуется. Вон, вон! Я лишаю вас всех полномочий. Забирайте свои пожитки! Забирайте свои пожитки! Вон, вон!

Все уходят. Остается только доктор Штейниц.

Ш т е й н и ц. Мой дорогой, мой старый уважаемый друг...

К л а у з е н (*кладя руки ему на плечи*). Я никому не позволю погасить свет моей жизни.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Первая половина ноября. Та же декорация, что в первом и третьем действиях. Около одиннадцати часов утра. Горит электричество. Гейгер завтракает. Входит Штейниц.

Штейниц. Очень прошу извинить меня. Я и не подозревал, что вы здесь.

Гейгер. О да, я приехал вчера вечером.

Штейниц. Я только знал, что тайный советник ожидает вас с большим нетерпением.

Гейгер (*весело*). Он написал, что хочет поговорить со мной.

Штейниц. Разрешите хоть пожать вам руку...

Гейгер. О, рад вас видеть. Вы можете мне сказать, почему я до сих пор не встретил в доме ни Беттины, ни Эгерта, никого из семьи? С Маттиасом я вчера говорил только мимоходом.

Штейниц. Как вы нашли тайного советника?

Гейгер. Я видел его только минуту. Он выглянул из спальни. Мне он показался таким, как всегда.

Штейниц. Тайный советник, правда, немного сдал, но это меня не так беспокоит... у меня есть заботы посерьезнее.

Гейгер (*слегка улыбаясь*). Вы имеете в виду фатальное положение вещей?

Штейниц. К этому положению вещей уже призывали.

Гейгер. Неужели правда, что малютка живет здесь в доме?

Штейниц. Да, фрейлейн Петерс действительно уже несколько недель здесь.

Гейгер (*весело*). Вот как? Все же ситуация... не находите ли вы, несколько шекотливая?

Штейниц. Ситуация необычная.

Гейгер (*смотрит на него широко раскрытыми от удивления глазами, по-прежнему весело*). Мы оба согласны, что это необычно. Ладно, на этом и остановимся. Для нас обоих совершенно ясно, что положение необычное. Или вы находите его обычным? Я живу в Англии, где подобное совершенно необычно.

Штейниц. Для нас это тоже необычно. Уже несколько недель в городе только отсюда и черпают темы для сплетен и пересудов.

Гейгер (*так же, как раньше*). И это необычно. Но, доктор, не можете ли вы мне намекнуть, чего от меня ждут? Я бесконечно неловок в таких делах,—имеете ли вы понятие, в чем должна заключаться моя роль в этой неприятной истории?

Штейниц. Тайному советнику нужен союзник: в конце концов, ведь он порвал почти со всем, что до сих пор составляло его жизнь.

Гейгер. С кем же он, например, порвал? Я несведущ, как ребенок.

Штейниц. Прежде всего со своими детьми.

Гейгер. Но все же не с Беттиной?

Штейниц. Беттина сама порвала с отцом. Они не видятся, он не говорит о ней.

Гейгер. Понимаю, поведение Беттины объясняется ее тактом. Но почему мой старый друг Клаузен не избежал этого двусмысленного шага, что легко было сделать; зачем напрасно бросать вызов общественному мнению?

Штейниц. Вот это ему и надо было. Он не мог не бросить этого вызова. Тайный советник во всех своих поступках проявляет исключительную решительность.

Гейгер. Зачем он это делает? Какие его планы?

Штейниц. Мне кажется, он хочет показать своему зятю, которого он отстранил от дел, кто хозяин, и, кроме того, до своего ухода на покой собирается объясниться с обществом начистоту.

Гейгер. Бросая перчатку обществу, он хочет

иметь во мне союзника? Пожалуй, я для этого неподходящий человек.

Штейниц. Тайный советник недооценивает своих противников: его зять готов на все, а дети, считая себя отверженными, целиком идут на поводу у Кламрота.

Гейгер. Маттиас никогда не доверял Кламроту, это я могу подтвердить. Поэтому он его и отстранил.

Штейниц. Слишком поздно. Ему не удалось вывести этого человека из строя.

Гейгер. Мой друг решил во что бы то ни стало жениться на этой девушке?

Штейниц. Насколько мне известно, это его твердое намерение.

Гейгер. Тогда незачем медлить. Протесты и интриги бессильны перед совершившимся фактом.

Штейниц. Учтите, противники еще не решились на последний ход.

Гейгер. Какой же это ход?

Штейниц. Я не знаю. То, о чем шепчут, просто страшно вымолвить.

Гейгер. Все-таки было бы хорошо, если бы вы осведомили меня.

Штейниц. По непроверенным слухам, над ним собираются учредить опеку, чтобы этим обезвредить его.

Гейгер. Но слухи — это только слухи! Наверно, вы и сами серьезно не верите в такую бессмыслицу?

Штейниц. И верю и не верю. Во всяком случае, такая попытка может быть сделана.

Гейгер. Мой друг Маттиас под опекой! Да он так же здоров и вменяем, как мы с вами. Нет, для этого нужно привести основания.

Штейниц. Где нет оснований, могут быть утверждения.

Гейгер. Ради бога, что же утверждают?

Штейниц. По шаблону: когда дело идет о семидесятилетнем, помогают предвзятые суждения, например об ослаблении умственных способностей, как следствии преклонного возраста, и тому подобное.

Гейгер. Ну, тут уж Маттиас им покажет! Значит, если пожилой человек решил еще раз жениться и это

невыгодно наследникам, его просто объявляют слабоумным? В таком случае будь проклято состояние, которое наживаешь для детей!

Штейниц. Тут дело не только в женитьбе. Он ездил с девушкой в Швейцарию и приобрел там в Арте, возле Гольдау, поместье.

Гейгер. Черт побери, пусть бы он сразу там и остался!

Штейниц. Кое-что другое еще больше портит им кровь. Тайный советник — коллекционер картин; около двух дюжин лучших полотен голландской школы, которые по каким-то причинам он не хотел показывать, — они стояли нераспакованными в подвале, — недавно он отправил в Швейцарию.

Гейгер. Почему Маттиасу не иметь поместья в Швейцарии? Почему ему не украшать свое новое жилище картинами? Средства ему это позволяют.

Штейниц. Кроме того, его упрекают в расхищении фамильных драгоценностей. Есть еще третье обстоятельство, которое особенно возмущает семью. Дело в том, что он ведет с одним концерном переговоры о продаже всей фирмы.

Гейгер. Разве это преступление? Разве это не его право? По-видимому, он считает это своевременным.

Штейниц. По-моему, при таком потомстве это единственно правильное решение.

Гейгер. Но как же они хотят взять его под опеку?

Штейниц. Это им едва ли удастся. Плохо только то, что всякий, против кого только возбуждено такое дело, пока ведется обследование, уже фактически недееспособен. Такого удара тайный советник не перенесет.

Гейгер. А он даже не подозревает об этом?

Штейниц. Он безмерно далек от этой мысли. Вот тайный советник. Извините меня. *(Быстро уходит.)*

Входит Клаузен быстрой, эластичной походкой.

Клаузен. Прости, я заставил тебя ждать. Когда приводишь в порядок дела, нужно бесконечно многое обдумать. Добро пожаловать, мой дорогой друг. Мне нужен твой совет по многим вопросам.

Гейгер. Я слышал, ты хочешь переселиться в Швейцарию?

Клаузен. Скажи лучше, друг мой, на другую планету!

Гейгер (*смеется*). Может быть, при помощи ракеты? Ты приобрел в Арте недвижимость?

Клаузен. Да. Старый швейцарский особняк,— мы его перестраиваем,— с прекрасным парком у озера; Инкен совершенно счастлива.

Гейгер. Я с радостью вижу, что ты так уверенно смотришь вперед.

Клаузен. А почему мне робеть?

Гейгер. Ты точно жених. Ты хочешь жениться?

Клаузен. В моем новом лексиконе отсутствует банальное слово «жениться», но в действительности я хочу вскоре узаконить отношения с моей подругой.

Гейгер. Почему ты так медлишь с этим?

Клаузен. Подумай, при таком сложном существовании, как у меня, надо сначала многое распутать и привести в ясность.

Гейгер. Разумеется, разумеется! Ты, конечно, прав. Твои дети согласны?

Клаузен. Вопрос, согласны они или нет, меня мало интересует. Для себя я этот вопрос решил. Кстати сказать, со дня рождения моих детей я старался служить им. Я никогда, собственно говоря, ничего не ожидал от своих детей, но меньше всего — того, что случилось. А теперь я познакомлю тебя с Инкен Петерс! Инкен, пожалуйста, лодойди сюда!

Гейгер. Мы уже познакомились, правда, мельком.

Клаузен. Верно, в Бройхе. Я совсем забыл.

Входит Инкен.

Инкен. Вы помните меня, господин профессор, по Бройху? Мы счастливы, что вы приехали.

Гейгер (*весело*). О, правда? Как же это я вдруг стал так необходим!

Инкен. Для этого есть веские основания, господин профессор; перед вами большое дитя, подверженное всяким переменам настроения. (*Слегка обнимает Клаузена.*)

Клаузен. Садись, Инкен. Надеюсь, тебе удалось часок вздремнуть? (Гейгеру.) Когда я здесь страдаю от бессонницы, Инкен считает своей обязанностью непременно читать мне вслух.

Инкен. Как только Маттиас попадает в Швейцарию, он спит там, как медведь. В маленькой гостинице у Цугского озера, откуда мы наблюдаем за перестройкой нашего дома, Маттиас совсем другой человек. Здесь он снова подвержен своим обычным припадкам.

Гейгер. Не так просто выкорчевать дерево из той почвы, в которой оно пустило корни еще сорок пять лет тому назад.

Клаузен. Ты должен, дорогой Гейгер, поехать с нами в Арт! Более восхитительного уголка, чем наше поместье на Цугском озере, не существует. Мы провели там незабываемые дни...

Инкен. ...в реальность которых почти не веришь, когда проживешь хотя бы неделю здесь.

Клаузен. Дорогой Гейгер, ты должен был видеть Инкен на Цугском озере: как она вытаскивает рукой лягушку из бочки с дождевой водой, как выпускает за завтраком ежа гулять по столу, как работает в саду: сеет, сажает, полет; как она ведет по озеру старую рыбачью лодку...

Инкен. А еще, господин профессор, вам надо было видеть Маттиаса на Цугском озере!

Клаузен. Да, там я совсем другой... Поэтому день и ночь я рвусь туда.

Гейгер. Сможешь ли ты выдержать тишину, отрезанный от привычной кипучей деятельности своего прежнего мира?

Клаузен (показывая на шахматную доску). Ты имеешь в виду слонов, коней и пешек моего шахматного ада? Я просто сошлюсь на наш разговор во время твоего последнего приезда. Нет, едва ли меня снова прельстит эта борьба всех против всех. Один старый мудрец сказал: в человеческой душе заложены две силы — действенная и созерцательная. Первая двигает тебя вперед, но к цели тебя приводит вторая.

Гейгер. А навещать тебя в Швейцарии можно?

Клаузен. Тебе, дорогой Гейгер, конечно, другим—

нельзя: мои прежние знакомые для меня теперь не существуют. Я даже не узнал бы их. Природа, искусство, философия и Инкен — этого мне достаточно. Инкен меня любит, — можешь ты представить себе невозможное?

Гейгер. Незачем и представлять: это красноречиво подтверждает ее вид.

Клаузен. Она дарит мне взгляд своих глаз, свои юные годы, свою свежесть, свои магнетические флюиды и здоровое дыхание, которым я дышу. Все это делает меня легким и свободным. И я чувствую себя как дома на чистом, свободном от миазмов горном воздухе. Гейгер, милый, ты можешь меня поздравить!

Гейгер. От всего сердца и, не скрываю, даже с легким налетом зависти.

Клаузен. Да, мне можно позавидовать.

Входит Вуттке.

Простите, я на минуту. *(Подходит к Вуттке, берет у него бумагу.)*

Оба удаляются. Инкен и Гейгер одни.

Гейгер. Маттиас произвел на меня неожиданно хорошее впечатление. У меня прямо камень с души свалился.

Инкен. Почему это вас так поразило?

Гейгер. О, я это сказал между прочим. Но ведь Маттиас втянут в какие-то раздоры?

Инкен. Вы на нашей стороне, господин профессор?

Гейгер. Я полагаю, мой друг Маттиас может не сомневаться в этом.

Инкен. Тогда помогите мне увезти его из этого окружения. Оно плохо влияет на него.

Гейгер. Мне думается, что вы правы.

Инкен. Там или здесь, я всюду принадлежу Маттиасу. Но эти стены, эти старые лепные потолки, эта красная камчатная обивка, эта пыльная мертвечина и все, что за этим кроется, — все это и мне не дает дышать.

Гейгер. Вы не любите этот старый дом?

Инкен. Я ненавижу этот дом, и этот дом ненавидит меня.

Гейгер. У вас есть сведения о детях?

Инкен. Нет. Разумеется, нет. Но, конечно, их следует опасаться.

Появляется Винтер, несет на подносе письмо.

Что это?

Винтер. От управляющего Ганефельдта. Письмо только что принёс посыльный.

Инкен. Дайте мне! Я передам сама.

Винтер подходит, она берет письмо с подноса.

(Гейгеру.) Вы знаете советника юстиции Ганефельдта? У меня мурашки проходят по телу, когда я вижу эти письма.

Гейгер. Ганефельдт — управляющий имением в Бройхе, где вы с матерью жили? Не так ли?

Инкен разглядывает письмо и вертит его в руках.

Винтер. Собственно говоря, посыльному приказано вручить его лично.

Инкен. Собственно говоря или не собственно говоря — никто мне не помешает вскрыть письмо, если у меня подозрение, что в нем содержится что-то неприятное для Маттиаса.

Винтер. Значит, фрейлейн, вы сами отдадите письмо?

Инкен. Конечно, господин Винтер, отдам.

Гейгер. Если не ошибаюсь, этот Ганефельдт на стороне детей Маттиаса?

Винтер (*разрешает себе очень многозначительно кивнуть головой*). Всецело и целиком на их стороне, господин профессор. И кто знает, какой ужасный яд в этом конверте! Ах, господин профессор, если бы вы приехали раньше!

Гейгер. Почему?

Винтер. Вы — единственный, кто может повлиять на фрейлейн Беттину и господина Вольфганга.

Инкен (*встает*). Что это, в конце концов? Здесь каждый день, каждый час видишь привидения.

Инкен уходит, чтобы отдать письмо. Гейгер и Винтер остаются вдвоем. Гейгер встает и ходит взад и вперед по комнате, борясь с каким-то решением.

Гейгер (*внезапно обращается к Винтеру*). Не скажете ли вы мне, где можно найти фрейлейн Беттину?

Винтер. В поместье тетки, примерно в полутора часах езды на машине.

Гейгер. Есть свободный автомобиль? Можно туда съездить?

Винтер (*смотрит пристально на профессора, краснеет до корней волос. Тихо*). Боюсь, что уже поздно, господин профессор!

Гейгер. Бойтесь, господин Винтер? А разве вы знаете, что я намерен сделать?

Винтер. Думаю, что да. Еще неделю назад спасение было возможно.

Гейгер. Спасение? Что за странное слово, господин Винтер?

Винтер. Вам угодно, чтобы я замолчал, господин профессор, или доверил то, что дошло до моих ушей?

Гейгер. Конечно, доверьте. Для того чтобы помочь, мне надо все знать.

Винтер. Господин директор Кламрот снова хозяйничает в издательстве.

Гейгер. Зять? Откуда вы это знаете?

Винтер. От посыльного, который только что принес письмо советника юстиции Ганефельдта. Он, как говорят, получил полномочия от суда.

Гейгер. Наверно, это только пустые слухи, господин Винтер!

Винтер. Нет. Я немедленно подошел к телефону, соединился с бывшим кабинетом тайного советника. И тут, к сожалению, получил подтверждение. «У телефона директор Кламрот! Кто говорит?» — услышал я знакомый голос.

Гейгер. Какой же вывод вы сделали из этой странной истории?

Винтер. Какое сделать заключение, я и сам не знаю.

Гейгер. Во всяком случае, тут нет ничего хорошего для тайного советника.

Винтер. Знать бы только, как далеко все зашло! Одно лишь можно сказать: хорошо, что она (*жест в*

сторону портрета покойной жены Клаузена) не дожидая до этого. *(Уходит.)*

Входит Клаузен в сопровождении Инкен и Вуттке.

Клаузен. Просто, мой дорогой, не дают в себя прийти. Появляется некий советник юстиции Ганефельдт, которого, по-видимому, концерн натравливает на меня. Он торопится. Полагаю, что перед окончательным решением вопроса они попытаются пустить мне кровь. Люди упорные. Но они глубоко ошибаются, считая меня глупцом. Если мы не придем к соглашению,— ну что ж, мне это не к спеху.

Гейгер. Неужели нет никакой возможности прийти к соглашению с твоими детьми? Конечно, так, чтобы сохранить свое имущество.

Клаузен. Повара готовят клецки, но эти клецки ни за что не отвечают. Впрочем, мои дети способны вообразить, что они обладают качествами, необходимыми для руководства таким предприятием, как мое, но им, однако, не удастся сделать ничего другого, как выдать себя с головой Клароту. А я знаю этого человека. Несмотря на урожденную фон Рюбзамен, он унизит моих сыновей и дочерей до положения получающих милостыню.

Входит Винтер, приносит визитную карточку.

(Читает карточку.) Ганефельдт. Проси. Пожалуйста, оставьте меня на пять минут.

Инкен *(собирается удалиться с Гейгером и Вуттке, но под влиянием внезапного предчувствия поворачивается и берет Клаузена за руку)*. Маттиас, не лучше ли мне остаться?

Клаузен. Зачем? Что с тобой?

Инкен. Тогда обещай, что бы он ни требовал от тебя, оставайся самим собой, высоко держи голову!

Клаузен. Разве ты видела меня другим?

Инкен, Гейгер и Вуттке уходят. Клаузен в ожидании ходит взад и вперед. Входит Ганефельдт.

(Направляется к нему.) Чему обязан честью вашего посещения? Будьте любезны, садитесь. *(Оба садятся.)* Курите?

Ганефельдт. Иногда, но, простите, не сейчас.

Клаузен. А я, как вы знаете, вообще не курю. Могу я спросить, зачем вы пришли сюда?

Ганефельдт. Разрешите мне изложить последовательно.

Клаузен. У нас есть время, я вас не тороплю.

Ганефельдт (*вытирая лоб*). Извините, я опоздал. Задержался в суде. Я мог бы, конечно, позвонить по телефону, но приехал сам потому, что в ваших же интересах не хотел затягивать дело. Когда стоишь перед затруднением, лучше смело идти навстречу ему, чтобы скорее его преодолеть.

Клаузен. Всецело разделяю это мнение. Вы возбуждаете мое любопытство.

Ганефельдт. Вы догадываетесь, почему я пришел? (*Пристальным взглядом как бы пытается прочесть мысли Клаузена.*)

Клаузен. Вы были когда-нибудь судебным следователем? Взгляд, который вы мне подарили, господин советник юстиции, подсказал мне этот вопрос. Если ваши глаза действительно так пронизательны, вы не будете сомневаться, что я в полном неведении о цели вашего визита.

Ганефельдт. Неужели? Никак не могу себе этого представить.

Клаузен. Что поделаешь! Придется вам ознакомить меня.

Ганефельдт. Я не хотел бы вас огорошить.

Клаузен. Что значит — огорошить? Вы ведь знаете, для чего вы сюда пришли. Скажите мне просто. Итак, это затруднение? К затруднениям я привык. Ваш совет был хорош — пойдём им прямо навстречу.

Ганефельдт. Я согласился взять на себя это дело, потому что сказал себе — оно будет в хороших руках. Я долго проверял себя и пришел к заключению, что никто лучше меня не сможет быть... ну, так сказать... доверенным обеих сторон. В этом смысле, я полагаю, вы и примете эту мою нелегкую миссию.

Клаузен. Возможно, что в последний момент мои контрагенты привлекли вас к делу о передаче моих пред-

приятый. Но я сказал свое последнее слово, и все иное не будет иметь значения.

Ганефельдт. Вопрос идет не о передаче ваших предприятий, а о ваших разногласиях с детьми.

Клаузен *(бледнеет и волнуется)*. Разногласий между мной и моими детьми нет. Мои дети ведут себя непристойно, и я сделал из этого свои выводы. Вот и все, что можно сказать.

Ганефельдт. Никто более меня не сожалеет, что дело зашло так далеко. Вы известны как человек миролюбивый. В деле с детьми тоже нетрудно прийти к полюбовному соглашению, если вы проявите здесь свое прославленное миролюбие. Но оно, видимо, вами утеряно.

Клаузен. Если вы уполномочены выкинуть белый флаг и принести мне их повинную, я готов к немедленному примирению.

Ганефельдт. Я не размахиваю белым флагом. Наверно, мне было бы тогда гораздо легче. Одно только могу сказать: при некоторых уступках с вашей стороны не исключена возможность отмены некоего мероприятия, которое ваши дети считали необходимым.

Клаузен. Что считали мои дети необходимым? Какая возможность исключена... не исключена? Какое мероприятие? Не корчите передо мной шута!.. *(Невольно вскакивает, но ему удается немедленно сдержаться.)* Нет-нет, это у меня только так вырвалось. Прошу вас. Забудьте то, что я сказал. *(Ходит по комнате, останавливается перед Ганефельдтом.)* Прежде всего мероприятие, о котором вы упомянули, меня не интересует. Не интересовало и интересоваться никогда не будет! Оно меня так же мало интересует, как если бы меня обвинили в том, что я еще не оплатил расходов по постройке Кёльнского собора! Но это было бы по крайней мере оригинально. Что ж, расскажите об этом вашем мероприятии.

Ганефельдт. Не пугайтесь, господин тайный советник: суд назначил меня временно вашим советником, помощником. Итак, я был и буду в вашем распоряжении.

Клаузен. Повторите мне эти слова, я буду вам очень благодарен.

Ганефельдт. Я этого не хочу делать, пока вы не свыкнетесь с фактически существующим положением. Прошу иметь в виду, что я выступаю не в качестве вашего противника, а в качестве преданного друга и помощника.

Клаузен. Если вы не хотите, чтобы моя черепная коробка разлетелась на куски, говорите ясно и без обиняков.

Ганефельдт. В таком случае извольте: возбуждено дело об учреждении над вами опеки.

Клаузен. Какая подлая шутка! Как вы смеете меня этим угощать.

Ганефельдт. Это совершенно серьезно! Голый факт!

Клаузен. Говорите, продолжайте! Быть может, разразилось землетрясение, обрушились горы или еще что-нибудь такое, что еще не дошло до моих пяти чувств? Быть может, повсюду произошло что-то небывалое, чего раньше и представить себе было нельзя? Вы, кажется, утверждаете, что меня хотят взять под судебную опеку?

Ганефельдт. Совершенно верно. Именно этого и хотят.

Клаузен. Решение уже вынесено или дело только начато?..

Ганефельдт. Дело только начато. Но вы знаете, что, пока оно длится и еще не решено в вашу пользу, вы теряете свои гражданские права.

Клаузен. Вы хотите сказать, на это время я недееспособен и, значит, при таком положении вы мой опекун?

Ганефельдт. Скажите лучше — ваш лучший друг.

Клаузен (*со зловещей холодностью*). Но вы очень хорошо должны понимать, что этот факт — если он действительно имел место — означает для человека моего склада и общественного положения, для меня лично и для внешнего мира?

Ганефельдт. Все еще может кончиться для вас благополучно.

Клаузен. Достаточно хотя бы месяца граждан-

ской смерти, чтобы потом никогда не отделаться от трупного запаха.

Ганефельдт. Такого исхода еще можно избежать.

Клаузен. Господин советник юстиции, вы ребенком играли с моим сыном Вольфгангом у этого камина. Вы ездили верхом на моих коленях. Я показывал вам книжки с картинками. Когда вам исполнилось одиннадцать лет, я, помните, подарил вам золотые часы.

Ганефельдт. Я до сих пор храню их как реликвию.

Клаузен. А теперь я хотел бы услышать, кто совершил это противоестественное преступление? От кого исходит ходатайство, если оно действительно подано? Кто, спрашиваю я, дерзко и бесстыдно взял перо и поставил свою мерзкую подпись под этим позорным документом?

Ганефельдт. Господин тайный советник, ваши дети склонны к примирению.

Клаузен. Итак, этот подлейший документ подписали мой сын Вольфганг, моя дочь Беттина, моя дочь Оттилия и... и еще...

Ганефельдт. Нет, Эгерт не подписал.

Клаузен. Ах, наконец-то в этой смрадной берлоге дуновение свежего воздуха! Хорошо... Так вот венец моей жизни! А я представлял себе его несколько иным... Знаете что? Таким я представляю себе то мгновение, когда после распятия Христа разорвалась завеса в храме.

Ганефельдт. Господин тайный советник, ваши дети тоже глубоко потрясены. Они сами не представляли себе всех последствий этого дела. Они здесь, в доме, они хотят видеть своего отца! Они ищут путь к его сердцу. Они умоляют понять их и, если можно, просят прощения, отпущения грехов. Господин тайный советник, послушайте голоса вашего сердца.

Клаузен (*придвигает стул к камину, над которым висит портрет жены, берет нож, становится на стул, разрезает портрет крест на крест*). Дети! Где мои дети? Я никогда не был женат! У меня никогда не было ни жены, ни детей. Разве только Эгерт? Нет, он не может

быть сыном той же матери, которая родила остальных! Мне семьдесят лет, и я опять холост! (*Соскакивает со стула.*) Гей-гей! Ура! Будьте здоровы, господин опекун! (*Отвешивает Ганefeldту поклон и уходит.*)

Входят взволнованные Беттина и Оттилия, за ними следом — Вольфганг. Они как будто только что подслушивали за дверью. Беттина заплакана, Оттилия держится мрачно, твердо, с несколько искусственной решимостью. Вольфганг смертельно бледен и кажется несколько растерянным.

Беттина. Как отец это принял?

Ганefeldт. Спросите лучше, как даже я — человек незаинтересованный — мог все это вынести? Камень покатился, кто его теперь остановит?

Беттина. Лучше бы все это отменить. Я ведь не понимала, какие тяжелые последствия может повлечь за собой сделанный нами шаг.

Оттилия. Господи, но это было необходимо!

Вольфганг. Я ничего не знаю, кроме того, что в этом была горькая необходимость... Разве ты не согласна? Отец должен понять.

Ганefeldт. Тот, кто поражен таким ударом, ничего не может понять. Если бы, милый Вольфганг, мы могли рассчитывать на некоторое понимание, то, безусловно, нельзя было допускать того, что сейчас произошло. (*Пьет воду.*) Простите меня, я должен прийти в себя.

Вольфганг. Собственно говоря, мы только искали основу для соглашения.

Ганefeldт. Я не сторонник такой основы.

Из других комнат доносится звон разбиваемого вдребезги фарфора.

Вольфганг. Что это значит?

Ганefeldт. Не знаю.

Беттина. Это самый страшный час моей жизни! Я этого не перенесу!

Входит Гейгер.

Гейгер. Надо звать на помощь. Он бушует! У меня самые страшные опасения, хотя при нем доктор. Он уничтожает семейные портреты, топчет ваши детские фотографии. Что, собственно, так вывело его из себя?

Беттина (*плачет, ломает руки*). Что же мы наде-
дали? Ты, Оттилия, говорила мне и твой муж говорил,
что это необходимо! (*Вольфгангу*.) И ты говорил мне,
что это необходимо! И твоя жена уговаривала меня.
Я-то ведь всего этого не знаю, не понимаю!

Оттилия. Ты делаешь вид, что ничего не знала!
Ты лжешь! Не лги, Беттина!

Вольфганг. Дорогой Ганефельдт, разве я не за-
клинал тебя нашей детской дружбой, не спрашивал, яв-
ляется ли этот путь единственным решением?

Ганефельдт. Сейчас это уже не важно. Впереди
у нас неотложное обязательство. Соберите все свои
силы. Наступают самые тяжелые минуты вашей жизни:
вы должны объясниться с отцом. Должны отвечать за
все, что произойдет.

Поддерживаемый с двух сторон Вуттке и доктором Штейн-
цем, входит Клаузен. Он сперва обходит комнату. Тайный совет-
ник словно не видит детей, затем внезапно высвобождается и под-
ходит к ним.

Клаузен. Где мой гроб?

Беттина. Мой дорогой папа!..

Клаузен (*резко оборачивается к ней*). Я хочу ви-
деть свой гроб! Где гроб? Вы ведь принесли его с собой?
(*Вольфгангу*.) А как ты, ветрогон? Помнишь, я звал
тебя ветрогоном? Как ты поживаешь, милый ветрогон,
и что подделывает твой покойный отец?

Вольфганг. Это рок! Я и сам не знаю, как могло
до этого дойти?

Клаузен. Что вы только что сказали, господин
профессор?

Вольфганг. Еще неизвестно, отец, кто из нас дво-
их более несчастен.

Клаузен. Знаете ли вы, господин профессор, что,
когда вы рождались на свет, я двадцать четыре часа не
отходил от постели вашей матери? Когда вы появились
на свет, ваша головка имела неправильную форму. Я
заботливо выправил ее — она была еще мягкой. Я не-
мало помог вам при рождении. Но теперь ваша голова
весьма отвердела, она не так легко поддается новой
депке.

В о л ь ф г а н г. Отец, это все такое далекое... Я только хочу сказать тебе...

К л а у з е н. Позвольте, вы ведь профессор, может ли ваша философия логически объяснить, почему при вашем рождении я так заботился о вас? И почему мы оба — я и ваша мать — плакали от радости, когда я укачивал вас на руках? Почему я был так слеп и не разглядел, что прижимаю к сердцу своего убийцу?

В о л ь ф г а н г. Что я могу ответить на этот ужасный и несправедливый упрек?

К л а у з е н. Не надо ответа! Нет ответа! Я советую вам только молчать, как молчат пойманные с поличным преступники!

В о л ь ф г а н г. Я никогда не был преступником и сейчас я — не преступник!

К л а у з е н. Разумеется, нет, если отцеубийство — не преступление!

Г а н е ф е л ь д т. Господин тайный советник, ведь дело может быть прекращено.

Б е т т и н а. Папа, мы откажемся от всего. Нам казалось, что это для тебя же лучше; никто не застрахован от болезни, но хороший уход, думали мы, вылечит тебя. Ведь ты здоров! Ты душевно крепок. Это может завтра же выясниться.

К л а у з е н. Для меня уже нечего выяснять. Все выяснилось. Не войте и не хнычьте, не выдавливайте крокодиловых слез! Женщина родила на свет кошек, псов, лисиц и вслков. Они десятилетиями бегали по моему дому в образе детей, в человеческом образе. Почти целую жизнь ползали они вокруг меня; лизали мне руки и ноги и внезапно разорвали меня клыками.

О т т и л и я. Ты несправедлив к нам! Мы можем делать ошибки, но мы верили, что поступаем правильно. И у тебя были промахи. Мы стремились только наладить отношения. Если это удастся, то сегодня же или завтра все пойдет по-старому.

К л а у з е н. Сударыня, кланяйтесь вашему суфлеру!

Б е т т и н а. Отец, отец! *(Пытается припасть к его рукам.)*

К л а у з е н. Прочь, мегера! Не брызгай на меня своей слюной!

Гейгер (*очень просто и решительно*). Вы своего добились... Я предложил бы вам лучше уйти. Сейчас неподходящий момент для примирения.

Тайному советнику становится дурно. Быстро входит Инкен, за ней Винтер, неся на серебряном подносе графин с коньяком.

Штейниц. Сердце, сердце!..

Инкен (*наполняет фужер коньяком*). Это ему много раз помогало.

Штейниц. Слава богу, что вы образец спокойствия, фрейлейн Инкен.

Инкен (*чрезвычайно бледная, спокойно*). Остается только действовать!

Вутке и профессор Гейгер мягко удаляют дочерей и сына Клаузена из комнаты.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

В квартире садовника Эбиша и его сестры. Низкая комната; потолок с изъеденными червями потемневшими балками. Справа на переднем плане обыкновенный клеенчатый диван; над ним на стене фотографии, семейные портреты в рамках. Перед диваном стол, покрытый простой скатертью. Висячая лампа тускло освещает комнату, обставленную мебелью первой половины XIX века. Старая горка наполнена всякими сувенирами: стаканчиками с курортов, сахарницами и т. п. На стене несколько олеографий, два гипсовых барельефа — копии со скульптур Торвальдсена, какие можно купить у разносчика. Дверь слева ведет в небольшую прихожую, дверь справа — в спальню. В задней стене два небольших окна. На подоконниках много растений в горшках, на полу лоскутные коврики. В комнате несколько птичьих чучел: кукушки, дятла, зимородка.

Фрау Петерс и Эбиш сидят за столом. Она с вязаньем, он углублен в чтение. На дворе темная ночь. Буря. Часы прокуковали одиннадцать.

Фрау Петерс. Уже одиннадцать. Пора спать, Лауридс.

Эбиш. Только бы погода опять не натворила беды. Всегда свалят все на садовника.

Фрау Петерс. Служишь — подставляй спину! Пускай говорят, а ты, Лауридс, не обращай внимания!

Эбиш (*подходит к окну*). Ишь как пляшут сухие листья! Бум! Слыхала? Это, наверно, опять ветер выбил дюжину стекол в большой оранжерее. (*Слышен звук разбитого стекла.*) А дождь! Дождь! Слышишь, как льется по желобу? Опять погреб зальет. Только обсушили. Когда же он перестанет? Опять во всем доме заведется плесень.

Фрау Петерс. Собака воеет. Не впустить ли ее в дом?

Э би ш. Зачем? Конура не протекает... А у пастора еще свет. Верно, готовит на завтра проповедь.

Ф ра у П е т е р с. Пойду-ка завтра в церковь, Лауридс!

Э би ш. А я нет, у меня там ноги мерзнут. Уж больно долго тянет он проповедь. Ну и дождь: на метр вверх брызги летят.

Ф ра у П е т е р с. Мало радости тому, у кого нет крыши над головой.

Э би ш. Мало радости, это правда... Ты сегодня получила письмо от Инкен?

Ф ра у П е т е р с. Они вернулись из Швейцарии. Пока все идет своим чередом.

Э би ш. Вот уж привалило счастье девчонке!

Ф ра у П е т е р с. Счастье ли это, не знаю. Нужно спокойно обождать.

Э би ш. Ну, насчет завешания — ты ведь сама говорила...

Ф ра у П е т е р с. По крайней мере доктор Вуттке сказал, что тайный советник на случай своей кончины отказал Инкен свое имущество в Швейцарии и наличность.

Э би ш. Эх, может, и правда! Я ей желаю... И с тем, спокойной ночи!

Ф ра у П е т е р с. Спокойной ночи!

Э би ш направляется в спальню.

Послушай, Лауридс, опять собака воет.

Э би ш. Бойтся. Шум-то какой в оранжереях...

Ф ра у П е т е р с. Нет, Лауридс. Кажется, кто-то хочет войти...

Э би ш. Калитка открыта. Пускай входит. Может, почтальон, как намедни.

Ф ра у П е т е р с. Лауридс, собака из себя выходит.

Э би ш. Чего там! Верно, кошка пробежала. Пускай лает. Ну, добрый ночи!

Ф ра у П е т е р с. Что если тайный советник еще раз предложит переехать к ним в Арт, в Швейцарию? согласишься?

Э би ш. Нет... не годится. Племянница будет верхом ездить, а дядя для нее в конюшне коней скрести.

Фрау Петерс. Там кто-то есть, Лауридс. Надо посмотреть... Слышишь, собака беснуется. Я не лягу, пока не буду знать, что все в порядке.

Эбиш. Тогда дай мне кожанку и шапку.

Фрау Петерс. И захвати с собой револьвер, Лауридс. А то ночь — словно нарочно для грабителей!

Эбиш. Пока в доме светло, воры не полезут.

В то время как Эбиш, накинув кожанку, собирается надеть шапку, раздается резкое дребезжание колокольчика в сенях.

Фрау Петерс (*подскочив от испуга, тихо*). Видишь, Лауридс! Я так и знала!

Эбиш (*открывает дверь в сени, и сейчас же кто-то еще яростнее дергает звонок*). Эй-эй! Не обрывайте звонок! Не можете подождать, что ли, пока откроют?

В третий раз резкий звонок.

Фрау Петерс. Лауридс, возьми револьвер!

Эбиш. Не смейте так шуметь! Здесь не глухие живут! (*Исчезает в сенях, откуда слышен его голос*.) Кто здесь? Кто хочет войти? Назовите себя.

Фрау Петерс (*у открытой двери*). Никого не впускай, пока не узнаешь, кто там. Страшные бывают дела. Погляди сперва в боковое окошечко.

Эбиш (*несколько секунд молчит, затем снова появляется*). Анна, там какой-то человек, он совсем промок, без шляпы, а одет неплохо.

Фрау Петерс. Не оставлять же его за дверью! Узнаем, что ему надо. Я чуть приоткрою дверь, а ты с револьвером стань сзади.

Оба выходят, слышен поворот ключа в замке и лягг щеколды.

Фрау Петерс (*за сценой*). Что вам надо? Кто вы?

Незнакомый голос. Мне кажется, вы меня знаете, фрау Петерс.

Фрау Петерс (*за сценой*). Как я могу вас знать? Вы для меня чужой.

Голос. Я сам для себя чужой, и все-таки я себя знаю.

Фрау Петерс (*все еще за сценой*). О господи! Где были мои глаза? Неужели это вправду вы? Или я ошибаюсь?

Голос. Вы не ошиблись. Это я, фрау Петерс.

Фрау Петерс. В такую погоду. Ради бога, входите скорей в сухое помещение!

Слышно, как кто-то входит и с шумом вытирает ноги.

Голос. Разверзлись хляби небесные, фрау Петерс!

Фрау Петерс. Сюда, сюда! Раздевайтесь! — Подбрось-ка еще дров в печку, Лауридс!

Входит мужчина в сопровождении Эбиша и фрау Петерс. Он одет в летнее пальто; без шляпы. Одежда испачкана, промокла. По-видимому, он не раз спотыкался и падал на дороге. Лишь постепенно в нем можно узнать тайного советника Клаузена.

Клаузен (*очень возбужденный*). Наверно, вы очень удивлены, фрау Петерс, но это нашло на меня внезапно. Мне кажется, сегодня ровно год, как я впервые постучался в вашу дверь. Этот день был для меня решающим. Меня потянуло сюда. Спротивляться было бесполезно, я должен был отпраздновать эту годовщину.

Фрау Петерс. Это, конечно, делает нам честь, господин тайный советник. У вас снова, как и тогда, случилась авария? Не пешком же вы к нам добирались?

Клаузен. Пешком! Юноше иначе не подобает. Найдется у вас что-нибудь выпить, господин Эбиш?

Фрау Петерс. Господин тайный советник, мне кажется, вам надо переодеться. С вами приключилось несчастье? На ваш автомобиль напали грабители?

Клаузен (*весело смеется*). Нет, на меня никто не нападал. И аварии не было. Я просто бодрым, легким шагом добрался сюда. Меня непреодолимо влекло сюда, фрау Петерс. Я просто иначе не мог... Ну, а теперь сварим пунш...

Эбиш. Тут и спорить нечего. Господину тайному советнику в таком состоянии глоток чего-нибудь горячего будет только на пользу.

Клаузен. Как понимать — в таком состоянии?

Эбиш. Только — что господин тайный советник промок до костей.

Клаузен (без стеснения роется на одной из полочек). Здесь у вас всегда стояли ликеры...

Фрау Петерс. Не беспокойтесь, я принесу все, что нужно. Слава богу, огонь еще не погас. Через две минуты будет горячая вода.

Клаузен. Поручите это Инкен. Скажите, фрау Петерс, где, собственно говоря, Инкен?

Фрау Петерс. Инкен? Вы спрашиваете меня, где она?

Клаузен. Ведь ради нее я сюда и пришел.

Фрау Петерс (*Эбишу, шепотом*). Беги скорей к пастору, у него еще светло. Пускай сию минуту придет...

Эбиш. Я не могу оставить тебя с ним.

Фрау Петерс. Тогда я приведу пастора, а ты оставайся здесь.

Эбиш. Мне с ним страшно одному.

Клаузен. Вот как? Инкен уже легла спать?

Фрау Петерс. Инкен здесь давно нег. Вы же знаете... Она давно переехала к вам.

Клаузен. Переехала? (*Напряженно задумывается.*) Об этом я забыл... Нет, на меня никто не нападал, и с моей машиной не было аварии... как в тот раз, когда я впервые попал к вам в дом. Или на меня все-таки напали?.. Правильно. У меня тогда была авария, и я зашел к вам позвонить по телефону. Но ваш колокольчик, фрау Петерс, я узнаю среди тысячи других. Можно мне еще раз дернуть за звонок? (*Выходит, дергает колокольчик и тотчас же возвращается.*) Поверите ли, я всю дорогу по-воровски радовался, ожидая, когда задребезжит ваш колокольчик... И Инкен открыла мне дверь...

Фрау Петерс (*взволнованно шепчет Эбишу*). Беги, Лауридс, беги! Зови пастора!

Эбиш быстро уходит.

Клаузен (*показывает фрау Петерс нож*). И так как мы с вами одни, фрау Петерс, взгляните на этот нож. Если этим ножом кого-нибудь зарезать, крови не будет...

Фрау Петерс. Ради бога, что это значит?

Клаузен. Этим ножом можно убивать мертвых, можно убивать и молодых девушек, умерших старухами...

Фрау Петерс (*заломив руки*). Господин тайный советник, не хотите же вы сказать, что с моей Инкен что-то случилось?

Клаузен. Нет, не бойтесь, с ней ничего не случилось.

Фрау Петерс. А с кем же?

Клаузен. Только с одной покойной. Не важно, что Инкен нет. Мы спокойно обсудим мои дела. Есть у вас все для пунша? Жаль, что я не принес.

Возвращается Эбиш.

Эбиш (*тихо*). Пастор сейчас придет.

Клаузен. Где же грог? Я чувствую себя здесь в безопасности, господин Эбиш. Надеюсь, вы меня не выставите за дверь? Правда, тут нужно некоторое гражданское мужество; с моими преследователями лучше не связываться! Но, прошу вас, обдумайте: за одну ночь безопасного убежища вы получите столько золота, сколько вы сами весите... Завтра оно мне больше не понадобится.

Эбиш. Не обижайтесь, господин тайный советник, но ни без золота, ни за золото я на неправое дело не пойду.

Клаузен. Я обдумую. Посмотрим, что можно предпринять.

В передней появляется пастор Иммоос, он в халате. Ставит в угол зонтик. Некоторое время наблюдает. Клаузен не замечает его прихода. Фрау Петерс и Эбиш хотят заговорить с пастором, но он жестом останавливает их.

Кстати, я открыл одну тайну. Если смотришь на мир стоя вниз головой, то оказывается, что у людей когти и клыки. Вы улыбаетесь, фрау Петерс, вы этому не верите...

Фрау Петерс. Меня трясет. Смеяться над тем, что вы говорите, мне и в голову не приходит.

Пастор (*решительным шагом подходит к Клаузену*). Позвольте пожелать вам доброго вечера! Вы узнаете меня, господин тайный советник?

Клаузен. Разве можно не узнать господина пастора Иммооса!

Пастор. Ну вот видите! Тогда разрешите спросить, чем вызван ваш визит в этот ночной час?

Клаузен. Пожалуйста. Я свободен как птица, господин пастор. Меня больше ничто не связывает. Я и решил немедленно воспользоваться своей свободой. Моя гражданская смерть позволяет мне делать все, что я хочу. Я могу пищать, как кукла, мяукать, как кот, рассыпать опилки, как огородное пугало,—никто не удивится. Я могу удить птиц в воде и стрелять карпов в небе, и никто в этом не увидит ничего плохого.

Пастор. Насколько я помню, господин тайный советник всегда любил хорошо острить...

Клаузен. Я и теперь не перестаю смеяться! Когда я вызываю к себе моего директора, он не является. Когда я повышаю оклад кому-нибудь из моих служащих, он этой прибавки не получает. Когда я прошу денег у моего кассира, он их мне не дает... Когда я подписываю договор, его объявляют недействительным. Когда я высказываю свое мнение, его не слушают. Это как будто совсем не те остроты, которые были обычны для Клаузенов.

Пастор (*шепотом, Эбишу*). Позвоните-ка сейчас на городскую квартиру тайного советника. Произошло что-то ужасное...

Эбиш выходит в прихожую; слышно, как он возится у телефона. Пастор продолжает, обращаясь к фрау Петерс, в то время как Клаузен ходит взад и вперед по комнате.

Я боюсь, свершилось то, что предсказывала Беттина. (*Громко.*) Фрау Петерс, не приготовите ли вы нам горячего чаю. (*Клаузену.*) Я бы попросил вас к себе, но, к сожалению, мои все уже спят.

Фрау Петерс (*деловито сует, то уходя в спальню; то возвращаясь*). Господин тайный советник, я приготовила вам рубашку и платье брата. Вам надо сбросить мокрую одежду. Я на этом настаиваю. Вам необходимо переодеться...

Клаузен. Охотно. (*Пастору.*) Нет-нет, покинуть

это убежище и перейти к вам, господин пастор,— это значило бы отказаться от последней надежды...

П а с т о р. У меня просто мелькнула такая мысль.

К л а у з е н. Я решил бежать, не отрицаю. Я только хотел проститься...

П а с т о р. Я вам до сих пор не противоречил, господин тайный советник. Но мне кажется, что вы сегодня чем-то взволнованы. Поэтому и мир, и людей, да и самого себя вы видите в слишком мрачном свете.

К л а у з е н. Да, я чем-то взволнован. Так вы сказали, если не ошибаюсь, господин пастор? Да-да, чем-то взволнован! Это так. (*Задумывается.*) Неизвестно чем, а все-таки, оказывается, взволнован. Вы это верно подметили, господин пастор... Быть может, впоследствии выяснится... что меня взволновало.

Ф р а у П е т е р с. Господин тайный советник, вы хотели переодеться.

К л а у з е н. Охотно. Хотя это не нужно.

К л а у з е н в сопровождении фрау Петерс уходит в спальню.

П а с т о р (*шагает взад и вперед по комнате, ломая руки*). И это конец, конец такого человека, как Маттиас Клаузен. О боже! Боже!

Ф р а у П е т е р с (*возвращается, осторожно и плотно прикрывает за собой дверь*). Он переоделся. Успокоился, даже прилег.

П а с т о р. Бедная Беттина! Бедные дети!

Ф р а у П е т е р с. И бедная моя Инкен, если вы разрешите добавить, господин пастор.

П а с т о р. Я ведь ничего хорошего и не предвидел, вы, верно, помните, фрау Петерс? Но в нашей жестокой жизни скрыты такие ужасные возможности, которых нельзя предугадать...

Входит Э би ш.

Э би ш. Я соединился. У телефона доктор Штейниц — он хочет поговорить с господином пастором.

П а с т о р выходит.

Ф р а у П е т е р с. Ты говорил с господином Штейницем? Что там произошло?

Э би ш. Да он говорит, всякое было. Будто тайный советник сильно перепугался и был сам не свой. Тогда позвали одного известного доктора, а тот приставил к нему санитаров и уложил его пока что в постель. А потом постель нашли пустой. Обыскали весь дом. Дали знать в полицию, потому что нигде не могли его найти. Думали, он с собой порешил. Понятно, что все семейство взвыло, и у них до сих пор зуб на зуб не попадает.

П а с т о р возвращается.

П а с т о р. Случилось нечто ужасное. Я говорил со Штейницем и управляющим Ганефельдтом. На него была возложена тяжелая обязанность сообщить тайному советнику, что он, Ганефельдт, назначен его опекуном, так как дети ходатайствовали об учреждении опеки. Что из этого получилось — меня несколько не удивляет, когда это касается человека, привыкшего к власти, как тайный советник. Я отговорил бы детей от такого шага.

Ф р а у П е т е р с. А что с Инкен?

П а с т о р. Говорят, ваша дочь несколько часов назад покинула дом с каким-то профессором, не то Швейгером, не то Гейгером. Они разыскивают тайного советника. Можно себе представить, в каком она состоянии!

Ф р а у П е т е р с. Если он погибнет, — не станет и ее. Только бы разыскать Инкен, чтобы она застала его в живых!

П а с т о р. У вас действительно такие опасения?

Ф р а у П е т е р с. Да, они возникли, как только я его увидела, в то же мгновение.

П а с т о р. Хорошо, что мы ждем господина Ганефельдта и господина Штейница. До их приезда необходимо задержать тайного советника. А пока я немного приведу себя в порядок и разбуджу жену. Боюсь, нам предстоит тревожная ночь. *(Уходит.)*

Э би ш *(у окна)*. На дворе стало потише.

Автомобильные гудки.

Так скоро господин управляющий? Не может быть.

Ф р а у П е т е р с. Это на дороге и как будто мимо. *(Прислушивается у двери в спальню.)* Дышит спокойно — кажется, спит...

Э б и ш. Пусть спит! Если бы он совсем не проснулся, было бы, пожалуй, для него лучше. (*На окна падает яркий свет автомобильных фар.*) А это что такое? Фонари автомобиля.

Резкий автомобильный гудок, которым, по-видимому, хотят привлечь внимание.

Ф р а у П е т е р с. Ну да, Лауридс! Это к нам. Пойди посмотри, кто там, и возвращайся.

• Э б и ш уходит в прихожую, затем возвращается с Гейгером.

Гейгер. О, вы не спите? Счастливая случайность среди всех несчастий, которые на нас обрушились. Вы меня, вероятно, не узнаете, хотя я однажды был у вас. Я — друг тайного советника Клаузена. Кажется, вы — дядя фрейлейн Инкен. Она ждет меня в автомобиле.

Ф р а у П е т е р с, не произнеся ни слова, выбегает на улицу.

Э б и ш. Та, что сейчас побежала, — моя сестра, мать Инкен.

Гейгер. Хорошо, что я застал ее. Я, собственно говоря, за тем и приехал, чтобы передать бедную девушку на попечение матери. Произошли ужасные события. Мой друг тайный советник исчез. Можно опасаться какого-нибудь акта отчаяния. Наши поиски оказались безуспешными.

Э б и ш (*указывает на дверь спальни*). Тайный советник пожаловал сюда.

Гейгер. Правда? Он жив? Он здесь? На это я совсем не надеялся.

Э б и ш. Совершенно верно. Он здесь. Только уж не спрашивайте, в каком состоянии.

Гейгер. Не будем спешить с выводами, господин Эбиш. Что же тут удивительного, если этот бедный затравленный человек опять свалился у вас. Но, пока он жив, все еще может обойтись. Того же мнения ваша племянница Инкен.

Э б и ш. Господи боже мой, как это может обойтись?

Возвращается ф р а у П е т е р с.

Ф р а у П е т е р с. Она не слушает меня, не хочет

входить. Я ей говорю — тайный советник здесь, а она будто оглохла, не слышит.

Гейгер. Я — профессор Гейгер, фрау Петерс. События так развернулись, что я с трудом владею собой... Я не могу быть простым зрителем и бездействовать, хотя я вовлечен во все это вопреки моим намерениям; более неподходящего человека для таких дел трудно найти. Итак, мы собираемся увезти моего бедного друга. Мы должны спасти Клаузена от его врагов, иначе его судьба предрешена. (*Выходит.*)

Бьют часы.

Фрау Петерс. Немало горя пережила я с мужем и справилась с этим, Лауридс. Все-таки, думала я, у меня от него осталась дочь, Инкен. А теперь она-то и навлекла на нас все это. Бог свидетель, я ее предостерегала!

Входят Инкен в дорожном пальто и Гейгер. Немного спустя входит Винтер, нагруженный пледами и одеждой.

Инкен (*вне себя*). Так это верно? Вы знаете что-нибудь о Маттиасе?

Гейгер. Это, конечно, только предположения.

Инкен. Не задерживай нас, мама.

Фрау Петерс. Перенесешь ли ты, если я тебе скажу, где он?

Инкен. Он умер? Не пытай меня!

Фрау Петерс. Он еще жив, но, может быть, это хуже смерти.

Инкен (*почти рыдая*). Где? Где? Умоляю!

Фрау Петерс. Что ты будешь делать, когда увидишь его?

Инкен. Мы возьмем его с собой, — надо бежать, мама!

Фрау Петерс. Этим ты подвергнешь себя большой опасности. Я тебе помогать не стану.

Гейгер. Я помогу, фрау Петерс: то, что я видел, слышал, пережил, дало мне твердую решимость. Я приму бой за Маттиаса и за вашу Инкен.

Инкен (*матери*). Ты не можешь даже вообразить, что мы пережили. Это даже нельзя себе представить.

Еще до того, как Маттиас исчез, я выдержала самую отвратительную борьбу с этим человеком, с этим Кламротом. Я давно бы бросила все, не будь поддержки господина профессора. Когда меня разлучили с Клаузенем и он, разбитый, беспомощный, остался под охраной двух служителей, этот молодчик накинулся на меня. Он указал мне на дверь; если я сию же минуту не уберусь ко всем чертям, он силой вышвырнет меня вон! А на каком жаргоне он говорил, мама! Какие выражения употреблял! А потом, когда Клаузен исчез и Кламрот увидел перед собой вытянутые физиономии служителей, он оробел: несчастная жертва была уже вне его власти. Маттиас нашел свое спасение в бегстве. Я взывала от боли, но в то же время торжествовала, мама. А теперь скажи мне, если ты знаешь, где он?

Фрау Петерс. Я не скажу, пока ты не возьмешь себя в руки и не успокоишься.

Инкен. Ради бога, не тяни! Ты нас всех погубишь, мама!

Фрау Петерс. Оборванный, как бродяга, он недавно явился сюда. Боже, на него страшно было смотреть!

Инкен. Где же он сейчас?

Фрау Петерс. Здесь, в спальне.

Инкен бросается туда, но мать ее удерживает.

Если он спит, его не надо будить.

Инкен. Мы должны бежать. Его придется разбудить.

Фрау Петерс. Сомневаюсь, уговоришь ли ты его бежать.

Инкен. Винтер, несите скорее вещи! Мы привезли с собой пледы, теплую одежду и шубу... Если он устал, то поспит в автомобиле. Завтра в это время он будет в безопасности, по ту сторону швейцарской границы. Там через несколько часов забудет весь этот черный кошмар.

Фрау Петерс. Инкен, ты, по-видимому, не понимаешь всей серьезности его состояния. Я даже не уверена, в полном ли он сознании. Ему мерещится, что за ним кто-то гонится.

И н к е н. Гонится? А разве это не так?

Гейгер. Много в жизни я переносил легче. Никогда не забуду молящего взгляда, который бросил на меня Маттиас во время припадка. Его дело стало моим делом! — Фрау Петерс, помогите нам! Так или иначе, мы должны бороться до конца!

Фрау Петерс. Он нас услышал... Он ходит по спальне.

Дверь из спальни приоткрывается. Женщины замолкают. Входит
Клаузен.

И н к е н. Маттиас!

Выражение лица Клаузена не меняется. Инкен тянет его в комнату и привлекает к себе, потом окликает громче: «Маттиас!» И в третий раз, как бы желая встряхнуть его: «Маттиас!» На лице Клаузена появляется улыбка, словно при пробуждении.

Клаузен (*шепчет, словно перед ним призрак*).
Инкен...

И н к е н (*делает знак. Все удаляются, оставляя Клаузена и Инкен одних*). Ну, говори! Мы теперь одни, Маттиас...

Клаузен (*сильно бледнеет, говорит с трудом*). Слишком поздно: моя душа мертва, Инкен...

И н к е н. Не удивительно, что тебе сейчас так кажется. Всякий сон — это смерть души, Маттиас, но я тебя воскрешу.

Клаузен. Я вижу, это ты, Инкен, но по-настоящему не чувствую этого...

И н к е н. Это легко объяснить тем чудовищным, что ты пережил.

Клаузен. Ты хочешь сказать, что меня сломила вся эта мерзость?

И н к е н. Теперь ты опять на свежем воздухе. Все утерянное вернется, Маттиас...

Клаузен. Я смотрю на тебя, что-то ищу, но никак не могу найти. Я волочу мертвую душу в еще живом теле.

И н к е н. Говори все, не щади меня, Маттиас!

Клаузен. Я боюсь, что твоя власть кончена: никому не дано воскресить мертвую душу.

И н к е н. Тебе не надо меня любить, не люби меня! Моей любви хватит для нас обоих, Маттиас.

К л а у з е н. Тогда скажи мне, Инкен, где я?

И н к е н. В Бройхе, где ты часто бывал.

К л а у з е н. Инкен, у тебя хорошая мать, но как это случилось, что я здесь, у твоей матери? Разве мы не были вместе в Швейцарии?

И н к е н. Да, Маттиас. Мы были в Арте.

К л а у з е н. Я хочу вернуться в Арт. Едем в Арт!

И н к е н. Автомобиль у ворот, он готов в путь. Мы можем сейчас же уехать. Винтер сядет с шофером. С нами Гейгер.

К л а у з е н. Правда? И нет никаких препятствий?

И н к е н. Никаких, если мы не будем терять времени. Если тебе что-нибудь неясно — старайся об этом не думать. Положись во всем на меня, пока к тебе не вернутся прежние силы. Бери все у меня. Ведь я — это ты!

К л а у з е н. О да, ты, наверно, лучший опекун, чем Ганефельдт.

И н к е н. Не опекун, Маттиас, — я твой посох, твоя опора. Я твое творение, твоя собственность, твое второе «я»! На это ты рассчитывай, это ты должен твердо помнить.

К л а у з е н. Скажи мне только, как случилось, что я попал в дом твоей матери?

И н к е н. Не думай сейчас об этом. В городе, наверно, уже знают, где ты. Идем, Маттиас! Может быть, через каких-нибудь четверть часа наше бегство, наше освобождение уже станет невозможным.

К л а у з е н. Может наконец кто-нибудь сказать мне, что произошло? Мне кажется, упал канделябр. Я испугался и лег в постель. Возможно, я потом во сне поднялся... Со времени смерти моей незабвенной жены это, говорят, со мной случалось. В таком состоянии меня могло и сюда занести.

И н к е н. Ты рассказал все почти без пропусков, Маттиас.

К л а у з е н. Почти — говоришь ты. Этим ты ограждаешь себя от лжи. Теперь только я припоминаю все яснее и яснее...

Инкен. Ты мне это расскажешь потом, в машине, Маттиас! Как нам будет хорошо, когда мы выберемся на шоссе! Ты откинешься на подушки, и, если я увижу, что ты вдруг тяжело дышишь, что тебя мучает кошмар, я разбужу тебя, Маттиас! Зачем же я тогда рядом с тобой? Только несколько дней будь как дитя. Я буду о тебе заботиться, как о своем ребенке.

Клаузен. Знаешь ли ты, какая это бездна — семьдесят лет жизни? Без головокружения никому не заглянуть в нее.

Инкен. Маттиас, стрелка часов отмечает невозвратимые золотые минуты. Нас ждет автомобиль. Идем, Маттиас! Нехорошо, что ты всегда говоришь о бездне. Когда нам снова будет светить солнце, мы будем смотреть вперед, а не в бездну...

Клаузен. Ты посланница того мира, Инкен! (*Опускается на диван.*) Дай мне спокойно во всем разобраться. (*Закрывает глаза.*) Когда твои благословенные руки обнимают меня, мне хорошо, хотя я не вижу их, хотя я не вижу тебя. Когда я закрываю глаза, я чувствую так ясно и просто, что на свете есть вечная благодать.

Входит Гейгер.

Гейгер. Прости, Маттиас, что я вхожу незванный...

Клаузен. Для меня ты всегда званный.

Гейгер. Да, в известной степени званный. Когда я в Кембридже получил твое письмо, я понял, что это призыв.

Клаузен. Но тогда нам обоим было непонятно, зачем я тебя зову.

Гейгер. Я понял твой призыв в прямом смысле слова. Но об этом мы пофилософствуем позже. Шофер уже запасся горючим, мотор остынет. Пора садиться.

Клаузен. Ваш портфель с собой, доктор Вуттке?

Гейгер. Ты меня не узнаешь, я твой старый друг Гейгер.

Клаузен. Мое завещание в безопасности? Можно на вас положиться, Вуттке? Если кто-нибудь начнет оспаривать его, будете вы, подобно льву, защищать мою Инкен?

Гейгер. Бог свидетель, я к этому готов! На этот вопрос я могу ответить только «да»!

Инкен. Маттиас, все это теперь безразлично. То, что ты пережил, выше сил человеческих. Будь я сильнее, я унесла бы тебя на руках. Я умоляю тебя: соберись с силами!

Клаузен. Скажи мне: твой отец, кажется, был крайне шепетилен в вопросах чести?

Инкен. Возможно, но сейчас не время об этом говорить.

Клаузен. Я не против самоубийства... Но меня оно не устраивает... Впрочем, когда уже и так стоишь за порогом жизни...

Инкен. Завтра тебя снова будет окружать жизнь.

Клаузен. Кстати, известна ли вам, дитя мое, судьба некоего тайного советника Клаузена? Это был один из самых уважаемых людей; теперь общество его выплюнуло, он — только плевок, который растаптывают ногами.

Инкен. Ничего не помогает. Нужно действовать! Винтер!

Винтер входит с одеждой и шубой.

Клаузен. Винтер, вы как-то выросли за это время! Поверьте мне, вы — бог! Да-да! Несчастье открывает человеку глаза. Вы не должны ради меня утруждать себя, Винтер. Меня ограбили, раздели, духовно убили и физически обесчестили! А потом бросили на улицу под копыта, колеса и подошвы! По сравнению с вами я — ничтожество, грязь, а ваше место, Винтер, среди богов!

Инкен. Маттиас, Маттиас, возьми себя в руки! Мы добьемся для тебя полного удовлетворения.

Клаузен глубоко вздыхает, откидывает назад голову и впадает в забытье.

Надо побороть эту слабость. (*Подошедшим Эбишу и фрау Петерс.*) Дядя, где у тебя коньяк?—Принеси чай, мама! Мне уже чудится сирена автомобиля Ганефельдта. Нельзя выдавать его врагам!

Фрау Петерс и Эбиш быстро уходят, чтобы принести требуемое.

Гейгер (*вглядываясь в Клаузена*). Вряд ли он вообще может ехать в таком состоянии.

Слышен автомобильный гудок.

Инкен (*вне себя*). Это преследователи! Это ищейки! (*Хватает лежащий на комодe револьвер Эбиша*.) Видит бог! Пока я жива, пока во мне теплится дыхание, они не переступят порога!

В дверях появляется пастор Иммоос и преграждает дорогу
Инкен.

Пастор. Во имя Иисуса Христа, Инкен: немедленно положи оружие!

Инкен. А если надвигается бесчеловечная банда, господин пастор?

Пастор. В твоём положении преувеличение прощается. Я говорю тебе «ты», потому что ты моя конфирмантка. Надеюсь, ты этого не забыла?

Инкен (*приподнимает оружие*). Назад! Посторонитесь! Я вас не слушаю! Я вас не знаю!

Пастор отступает. Инкен следует за ним наружу с револьвером в правой руке.

Гейгер. Фрейлейн Петерс, не делайте глупостей. Есть другие возможности, хотя бы пришлось временно капитулировать.

Гейгер спешит вслед за Инкен. Перед домом нарастает шум: слышны автомобильные гудки, громкий разговор. Винтер остается один возле Клаузена, который лежит в углу дивана и тяжело дышит. Винтер кладет на стул вещи, присаживается на краешек стула и наблюдает за Клаузеном.

Клаузен. Послушай, Винтер, откуда это пение? Оно мешает спать.

Винтер. Я ничего не слышу, господин тайный советник.

Клаузен. Кто этого не слышит, тот глух, мой милый Винтер! Хоры, хоры поют! Ужасно! Стынет кровь.

Винтер. Может быть, это орган в церкви?

Клаузен. Верно, церковь рядом. Кажется, со мной говорил пастор Иммоос.

Винтер. Может быть, говорил, я не знаю, господин тайный советник.

Клаузен. Я должен был отправиться в дом пастора. Он хотел, чтобы я пошел к нему. А что мне делать в доме пастора? Ведь мое место в соборе вселенной. Да-да, Винтер, в центре вселенной.

Винтер. Я позову фрейлейн Инкен.

Клаузен. Налей мне стакан воды, Винтер!

Винтер находит графин, наполняет стакан и подает его Клаузену.

Благодарю! Весь мой век эти руки приходили мне на помощь! Сколько услуг оказали они мне — не счастье! И эта последняя услуга не так уж плоха: она навсегда избавит от жажды твоего старого мучителя... Винтер, поверни-ка ключ в замке.

Винтер (*с полным стаканом в руке*). Следует ли это делать? Ведь сюда входят и выходят люди.

Клаузен. Тише, Винтер! (*Напряженно прислушивается.*) Фуга, может, или оратория?.. Химера — это зверь с телом козы, хвостом дракона и пастью льва. Эта пасть извергает ядовитый огонь...

Винтер. Что сказал господин тайный советник?

Клаузен. Я жажду... Я жажду заката...

Винтер. Я бы хотел доложить профессору Гейгеру.

Клаузен. Я жажду, я жажду заката... Кровь стынет в жилах... Это — fuga, это — кантата... это — оратория... (*Шарит в карманах и вынимает пробирку с белым порошком. Дает ее Винтеру.*) Насыпь мне сахару в воду, Винтер... Сахар успокаивает, у меня тяжелая голова.

Винтер исполняет приказание.

Ты слышишь fuga, кантату, ораторию? А теперь отдай мне пробирку, Винтер. (*Поспешно и тщательно прячет ее.*) Я жажду... я жажду... заката! Да, я жажду... я жажду заката... Я жажду... Я жажду... (*Выпивает залпом.*) Брр!.. (*Вздрагивает.*) Это был в самом деле сахар, Винтер? Укрой меня, если найдется под рукой что-нибудь теплое.

Винтер прикрывает его шубой. Клаузен натягивает ее до половины лица.

Я жажду... я жажду... заката... (*На мгновение затихает, затем начинает тяжело дышать.*)

Наблюдая за Клаузенем, Винтер все больше беспокоится. Идет к двери, встречается с фрау Петерс.

Фрау Петерс. Если ему пригодится, вот осталось немного вишневки.

Винтер. Он только что выпил воды, фрау Петерс, но я не знаю, что с ним...

Фрау Петерс (*поглядев на Клаузена*). Он спит, господин Винтер. Слава богу, пусть отдыхает.

Винтер. Как обошлись с таким человеком!.. Это ужасно, прямо ужасно, фрау Петерс!

Фрау Петерс. Все собрались у пастора. Там Беттина, Вольфганг и фрау Кламрот. У ворот парка ждет санитарная карета. Его отвезут в больницу. Штейниц противится изо всех сил, но управляющий Ганефельдт настаивает, он-де несет ответственность за господина тайного советника.

Возвращается Инкен, очень взволнованная.

Инкен. Они все собрались у пастора. Почему не разверзнутся недра земные и не поглотят эту подлую банду? И этот злодей Ганефельдт, он послал за полицией. Будем, говорит он, действовать силой! Увидим, кто сильнее!

Возвращается Гейгер.

Гейгер. Нам сейчас не устоять против такого перевеса сил. Но если существуют еще на земле правда и справедливость, мы в конце концов победим.

Клаузен громко хрипит.

Инкен. Маттиас, Маттиас, что с тобой, Маттиас?

Клаузен хочет что-то сказать, но не может.

(*Оправляет шубу, которой покрыт Клаузен.*) Скажи, что ты хочешь, Маттиас...

Фрау Петерс. Он хочет говорить, но не может. (*Гейгеру.*) Подойдите к нему, он смотрит то на вас, то на Инкен.

Инкен. Ты не можешь говорить, Маттиас?
Фрау Петерс. Сейчас он заговорит — у него дрожат губы.

Входит Штейниц.

Сам господь бог послал вас, господин доктор.

Штейниц. Я раньше не мог: там, в доме пастора, великое смятение. Каждый хочет свалить свою вину на другого!

Инкен (*припав ухом к губам Клаузена*). Говори, Маттиас. Скажи, что у тебя на душе? Пусть слова твои будут одним слабым дыханием. Говори, я все пойму.

Штейниц. Уступите-ка мне место, Инкен.

Эбиш. Это с ним вроде удара?

Фрау Петерс. Говори тише, Лауридс: перед смертью обостряется слух.

Штейниц (*откидывает с умирающего шубу, испытующе в него вглядывается*). Произошло изменение.

Гейгер (*тихо, к фрау Петерс*). Уведите, пожалуйста, дочь.

Штейниц. Я попрошу оставить меня с пациентом наедине. Вы, Винтер, и профессор Гейгер, останьтесь здесь — ваша помощь может понадобиться.

Эбиш и фрау Петерс берут с обеих сторон Инкен, собираясь ее увести.

Инкен (*как оглушенная*). Маттиас умирает? Ты думаешь, он умирает, мама?

Ее уводят.

Штейниц (*берет пустой стакан, оставшийся на столе, и нюхает*). Что это за стакан, Винтер?

Винтер. Тайный советник потребовал пить. Он дал мне сахар в стеклянной трубочке и велел растворить в воде.

Штейниц (*все еще нюхает стакан*). Сахарная вода? А где трубочка?

Винтер. Он потребовал ее обратно и спрятал в карман.

Штейниц осторожно вынимает из верхнего кармана Клаузена носовой платок и вместе с ним пробирку. Испытующе разглядывает ее

под лампой. Дыхание Клаузена учащается. Штейниц смотрит поочередно — на пациента, на Винтера и затем на Гейгера. Последнего он взглядом подзывает к себе.

Гейгер (*значительно*). Что это у вас за пробирка? Штейниц. Сахар с запахом горького миндаля.

Гейгер. Значит, все-таки по стопам Марка Аврелия?

Штейниц. Нет сомнения: его судьба свершилась.

Клаузен испускает глубокий последний вздох.

Гейгер (*после длительного тяжелого молчания*). Не попробовать ли противоядие? Какие-нибудь средства?

Штейниц. Против чего? Или против кого? Это смерть, господин профессор...

Услышав шум, вбегает Инкен.

Инкен. Он мертв! Я знаю — его больше нет!..

Штейниц. Соберитесь с силами!

Инкен. Не нужно. Я совершенно спокойна, господин Штейниц. (*Судорожно сжав руки, делает несколько шагов и смотрит, сжав губы, на Клаузена.*)

Гейгер (*тихо, Штейницу*). У меня такое чувство, будто я вижу жертву, сраженную из-за угла.

Штейниц. Конечно, он — жертва. А погиб ли он от яда, или от...

Некоторое время царит глубокое молчание. Затем тихо входят Ганефельдт и пастор.

Ганефельдт. Как обстоят дела? Там очень беспокоятся.

Штейниц. Ваша санитарная карета может вернуться обратно пустая. Ваше опекунство оказалось довольно кратковременным.

Ганефельдт. Я только был вынужден выполнять этот тяжелый, очень печальный долг в интересах наследников Клаузена. Как друг семьи, я не уклонился, но это была неблагоприятная задача. Как ни прискорбен исход, я могу сказать, что у меня были самые чистые и самые лучшие намерения.

Штейниц. Простите, господин советник юстиции, но я никак не могу с этим согласиться.

Ганefeldт. На это я отвечу вам в другом месте.

Входят фрау Петерс и Эбиш.

Пастор (*подходит к покойнику*). Ради Христа, не допускайте только сюда семью Клаузен.

Гейгер. Почему же, господин пастор? Они получили то, чего хотели.

Занавес